Фонд редких книг
9(47)
Н 20

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

С. НАЙДА

АДМИРАЛ НАХИМОВ

1950
158716
2145
2012

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1945

СОДЕРЖАНИЕ

1. Годы учёбы Нахимова. Служба под руководством Лазарева . . . 3
2. Сражение при Синопе 11
3. Героическая оборона Севастополя 26
4. Нахимов как воспитатель русских моряков 58

Редактор Н. Фройнд.
Подписано в печать 5/XII 1944 г. Тираж 100 000 экз. Объём 2¼ печ. л.
А12222. Заказ № 3022. Цена 1 руб.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

I

ГОДЫ УЧЁБЫ НАХИМОВА. СЛУЖБА ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛАЗАРЕВА

Павел Степанович Нахимов родился 23 июня 1802 г. в селе Городок, Вяземского уезда, Смоленской губернии. Отец Нахимова был небогатым помещиком. Нахимов и его четыре брата воспитывались в Морском корпусе.

В корпус Нахимов поступил в 1815 г. Учился он прилежно и хорошо, вследствие чего уже через три года, в январе 1818 г., был произведён в унтер-офицеры, а в феврале этого же года он окончил корпус одним из лучших и был произведён в мичманы.

Морской корпус в то время являлся своеобразным учреждением. В нём меньше чувствовались аракчеевские порядки и система бессмысленной муштры, перенесённые из армии во флот. В корпусе работал ряд талантливых преподавателей и воспитателей.

Хорошо поставленное обучение и воспитание в корпусе, а также недюжинные способности Нахимова дали ему возможность получить отличное общее и специальное

военно-морское образование. Распорядок жизни в корпусе и строгая требовательность в учёбе привили Нахимову неутомимую жажду труда и постоянное стремление к пополнению своих знаний.

В бытность ещё воспитанником корпуса Нахимов находился в учебном плавании на бриге[1] «Симеон и Анна», а под конец учёбы, в 1817 г., на бриге «Феникс». На этот бриг посылались в плавание лучшие воспитанники, успевавшие в учёбе и примерные в дисциплине. В качестве воспитателей в плавание назначались передовые, образованные и опытные моряки, как лейтенант Милюков, участник Трафальгарского сражения, лейтенант Ширвинский-Шахматов, состоявший за свои выдающиеся работы в области литературы членом Российской академии. Их знания и опыт в морском деле, большая культура оказали огромное влияние на всю последующую жизнь и деятельность Нахимова. Бриг «Феникс» в виде особого поощрения имел право заходить в иностранные порты, что в свою очередь также делалось с учебно-воспитательной целью. Посещая иностранные порты Дании и Швеции, Нахимов подробно знакомился с флотом этих стран, основательно изучал морское дело.

По выпуске из корпуса Нахимов вначале был оставлен на службе в Балтийском флоте. Затем, в 1821 г., был направлен в Архангельск для службы на вновь строящемся корабле, но вскоре был возвращён в Петербург, где получил назначение на 36-пушечный фрегат[2] «Крейсер», готовившийся к отплытию в кругосветное путешествие. Фрегатом «Крейсер» командовал капитан 2-го ранга М. П. Лазарев, будущий адмирал и преобразователь Черноморского флота. Назначение это было очень кстати для молодого и талантливого Нахимова.

---

[1] Бриг — двухмачтовое парусное судно, предназначенное для дозорной и разведывательной службы и конвоирования торговых судов.

[2] Фрегат — трёхмачтовое военное судно с прямыми парусами, предназначенное для разведывательной, посыльной и конвойной службы. В эпоху парового флота уступил место крейсерам.

Находясь три года в кругосветном плавании, Нахимов расширил свои знания, приобрёл большой практический опыт. Между Нахимовым, страстно полюбившим военно-морскую службу и жаждавшим совершенствоваться в плавании, и его учителем М. П. Лазаревым установилась за это время неразрывная дружба на всю жизнь. Эта дружба сыграла потом большую роль в формировании Нахимова как крупнейшего русского флотоводца, победителя у Синопа и героя Севастополя.

Возвратившись из плавания уже лейтенантом, Нахимов после четырёхмесячного отпуска (в 1825 г.) был назначен снова к Лазареву на строящийся 74-пушечный корабль «Азов».

Энергичный и талантливый Нахимов во время постройки «Азова» усердным трудом приобрёл серьёзные знания в области кораблестроения и вооружения корабля, а также и в создании его боевой организации. Эти знания позднее пригодились Нахимову как во время строительства им корабля «Силистрия», так и в бытность его командиром эскадры Черноморского флота.

В мае 1827 г. «Азов» стал флагманским кораблём[1] эскадры, отправленной из Балтики в Средиземное море для участия в совместных боевых действиях русского, английского и французского флотов против турецкого флота[2]. Командующим русской эскадрой был контр-адмирал Гейден, а начальником штаба и в то же время командиром флагманского корабля «Азов» был Лазарев.

Этот поход, а затем славные боевые действия русского флота в Наваринском сражении 8 октября 1827 г. явились серьёзной школой для Нахимова. Известно, что в Наварин-

---

[1] Флагманский корабль — корабль, на котором находится и держит свой флаг командующий флотом, эскадрой или другим соединением кораблей (флагман).

[2] В 1827 г. состоялось совместное выступление Англии, Франции и России против Турции в защиту восставшего греческого населения Балканского полуострова.

ском сражении из всех кораблей соединённых эскадр союзников наиболее отличился «Азов».

Наваринская победа прославила имя Лазарева, офицеров «Азова» и всю команду корабля. Офицеры и матросы «Азова» за проявленную в бою храбрость удостоились наград, а кораблю был присвоен георгиевский флаг. Нахимов за отличие и храбрость в Наваринском бою был произведён в капитан-лейтенанты и получил орден Георгия 4-й степени и три иностранных боевых ордена.

Нахимов тогда уже выделялся своими незаурядными военными способностями, храбростью, глубоким знанием военно-морского дела и большим практическим опытом, приобретённым им под руководством Лазарева.

Производство в штаб-офицерский чин (капитан-лейтенант) давало право Нахимову получить в командование небольшой корабль (бриг или корвет[1]). Лазарев, зная о достоинствах Нахимова и его стремлении стать командиром корабля, вскоре добился желаемого назначения для него. В 1828 г. Нахимов был назначен командиром захваченного у турок корвета, названного русскими в честь победы — «Наварин».

Командуя корветом «Наварин», Нахимов плавал в Средиземном море до 1830 г., затем пришёл в Кронштадт и был со своим кораблём снова включён в отряд М. П. Лазарева. Вскоре Нахимов был награждён новым орденом. Корвет «Наварин» всегда отличался прекрасной боевой выучкой офицеров и матросов, образцовой дисциплиной, примерным поведением людей и необычайной для того времени дружбой всей команды. Примером же для всех и во всём был сам П. С. Нахимов.

В 1832 г. Нахимов был назначен командиром строящегося фрегата «Паллада»[2] и в короткий срок сумел сделать

---

[1] Корвет — трёхмачтовый военный парусный корабль с вооружением до 30 пушек. Корветы применялись для разведывательных целей, а иногда они участвовали в крейсерских операциях.

[2] Этот корабль описан в произведении Гончарова «Фрегат Паллада».

его образцовым кораблём Балтики. Имя Нахимова как талантливого офицера становится популярным. Популярность его ещё более возросла после того, как он своим исключительно смелым поступком предотвратил гибель целой эскадры. Это произошло в августе 1833 г. Эскадра, в состав которой входил и фрегат «Паллада», находилась в плавании под командованием адмирала, учёного и исследователя Ф. Ф. Беллинсгаузена. Стояла исключительно бурная и мрачная погода. «Паллада» шла в строю одной из кильватерных[1] колонн. Определить место нахождения эскадры в такую погоду было исключительно трудно, ибо ни звёзд, ни маяков не было видно. Но вот на какой-то миг показался маяк. Этот момент и был использован Нахимовым и его офицерами. На остальных же кораблях никто не успел запеленговать[2] маяк. Произведённые затем Нахимовым расчёты показали, что эскадра сбилась с курса и идёт на камни. В полночь Нахимов снова проверил свои расчёты, и, когда ещё раз убедился в правоте своих выводов об угрожающей опасности, он рискнул пойти на дерзкое в его звании дело. Он решил дать сигнал командиру эскадры, что флот идёт в опасном направлении.

«Не легко было на это решиться: эскадрой командовал поседевший на море, прославившийся плаванием к Южному полюсу, один из достойнейших адмиралов — человек характера серьёзного, строгий к самому себе и требовавший, чтобы его приказания исполняли неуклонно. Наконец, ошибка в счислении могла быть и на «Палладе». Давать при таких условиях сигнал, который, в сущности, указывал адмиралу, что он не туда ведёт эскадру,— на это надо было много отваги»[3].

---

[1] Кильватер — боевой или походный порядок, когда корабли идут друг за другом.

[2] Запеленговать — определить направление на предмет по компасу.

[3] «Морской сборник» 1902, № 5, Неофициальный отдел, стр. 25.

Но именно такого рода отвагой и отличался Нахимов. Он поднял сигнал «флот идёт к опасности» и со своим кораблём вышел из строя колонны. Сигнал заметили. Адмирал стал проверять курс. Но пока он это делал, а затем отдал приказание эскадре изменить курс, корабль «Арсис» уже попал на камни и начал подавать сигналы о бедствии.

Смелость и находчивость Нахимова предотвратили гибель всей эскадры.

В январе 1834 г. Нахимов был переведён по просьбе Лазарева на Чёрное море. В это время Лазарев был начальником штаба Черноморского флота.

С переводом на Чёрное море Нахимов получил в командование строящийся корабль «Силистрия». Вместе с назначением Нахимову было присвоено звание капитана 2-го ранга. Корабль «Силистрия», построенный под руководством Нахимова, был одним из наиболее прочных и красивых кораблей Черноморского флота. Команда «Силистрии» была буквально детищем Нахимова. Вскоре, однако, напряжённая и длительная работа без отдыха подорвала здоровье Нахимова. В начале 1838 г., по ходатайству Лазарева, а затем и начальника главного морского штаба князя Меншикова, Нахимова, тогда уже капитана 1-го ранга, не только освободили от службы, но и на казённые средства послали лечиться на воды в Германию. В Германии он пробыл до августа 1839 г. и, не окончив курса лечения, вернулся на родину.

С 1840 до 1845 г. Нахимов снова командовал «Силистрией». Он пользовался большим авторитетом, и сила его нравственного влияния на окружающих была огромна.

«Одобрение его считалось наградой, которую каждый старался заслужить,— так велико было нравственное влияние этого человека.

Он имел особенный дар приохотить к морскому делу, внушить энергию и любовь к службе как своим примером, своим постоянно сосредоточенным вниманием, так и своими всегда интересными рассказами о том, как это делалось

на «Крейсере» и на «Азове», что говорил и как думал Михаил Петрович Лазарев в том и другом случае, как бы забывая из врождённой ему скромности и глубокого уважения к наставнику своему, что «Наварин», «Паллада» и «Силистрия» были вполне новыми авторитетами и примером для подражания. Радушие и гостеприимство его были известны всякому. Изысканная чистота и порядок были на корабле и в квартире; сердечная доброта, прямодушие были написаны на его открытом благородном лице. Внимание его к своим ближайшим подчинённым офицерам и матросам... было неисчерпаемо... Они могли обращаться к нему, как к родному отцу... Не понятно ли, что эта честная, благородная, бескорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь к своему делу — весьма скоро привлекли к нему сослуживцев, готовых с ним итти в огонь и воду. Во всём Черноморском флоте не было ни одного матроса, который бы не знал, если не лично, то по наслышке, и не любил, хотя бы и заочно, капитана «Силистрии» Павла Степановича Нахимова. Никто не умел так понимать их нужды, так говорить с ними, и поэтому они были слепо ему преданы» [1].

В сентябре 1845 г. Нахимов был произведён в контр-адмиралы и одновременно назначен командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. В этой должности он прослужил шесть лет. За время своей службы в качестве командира 1-й бригады Нахимов бо́льшую часть времени провёл со своими кораблями в крейсерстве [2] у берегов Кавказа.

К началу Крымской войны, т. е. к 1853 г., в послужном списке Нахимова значилось 39 лет службы во флоте, а из

---

[1] «Морской сборник» 1868, № 3, отдел критики и библиографии, стр. 6 и 7.

[2] Крейсерство — охрана побережья, операции военных кораблей специального типа, направленные против морской торговли неприятеля, а также против нейтральных торговых судов, ведущих военную контрабанду.

этого времени 203 месяца, т. е. 17 лет, приходились на морские походы.

В 1853 г. международная обстановка складывалась так, что было очевидно, что Турция, поддерживаемая Англией и Францией, начнёт войну против России. Турецкие войска сосредоточивались вблизи русских границ в Карсе и Ардагане. В связи с этим необходимо было укрепить русско-турецкую границу на Кавказе.

В сентябре 1853 г. была предпринята переброска войск из Севастополя на Кавказское побережье (Анакрия). Выполнение этой операции было поручено Нахимову. Черноморский флот под его флагом совершает переход и производит высадку целой дивизии.

Если учесть то, что погрузка и выгрузка людей, артиллерии, боеприпасов и лошадей производилась тогда самым примитивным способом (в большинстве случаев лодками), а также и то, что это проводилось в условиях бурных осенних штормов, то надо признать, что отличное выполнение этой операции действительно было немалой заслугой Нахимова.

Переход из Севастополя в Анакрию совершён был в 7 дней. Перевезено было 16 батальонов пехоты (16 393 человека), 2 лёгкие батареи и 824 лошади со всем необходимым грузом.

Эта операция, так хорошо организованная и проведённая Нахимовым, получила всеобщее признание со стороны моряков и армейцев. За блестящее проведение её Нахимов был награждён орденом Владимира 2-й степени, удостоен особой правительственной похвалы и был произведён в вице-адмиралы.

Так накануне Крымской войны Нахимов приобрёл всеобщую известность во флоте и славу отличного моряка-флотоводца.

2

СРАЖЕНИЕ ПРИ СИНОПЕ

В октябре 1853 г., вскоре после того, как была проведена операция по переброске войск, П. С. Нахимов был назначен командующим эскадрой судов Черноморского флота. Россия в это время фактически уже находилась в состоянии войны с Турцией.

14 сентября 1853 г. Турция объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией. На стороне Турции выступили Англия и Франция. Причиной, вызвавшей войну, явилось столкновение политических и экономических интересов европейских стран на Ближнем Востоке. Первые военные действия турок начались 11 октября нападением на корабли Дунайской флотилии в районе Галаца, а в ночь с 15 на 16 октября — на пост св. Николая на кавказской береговой линии.

Со стороны России манифест об объявлении войны Турции был подписан 20 октября 1853 г.

Приказ Нахимова от 10 октября 1853 г. требовал тщательного приготовления на случай боя, давал практические указания, как произвести эти приготовления, как нести службу, как встретить в бою врага.

Утром 11 октября эскадра Нахимова вышла из Севастополя в море для несения крейсерской службы и поисков турецкого флота. Преодолевая непогоду, сильные ветры, туманы, штормы и шквалы, характерные для Чёрного моря в октябре — ноябре, эскадра полтора месяца держалась в море в поисках флота противника, охраняя в то же время русское побережье.

26 октября Нахимов получил от начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Корнилова письмо, доставленное с пароходом «Херсонес», в котором Корнилов сообщал, что при осмотре турецкого побережья он обнаружил

в море флот противника; в связи с этим Корнилов просил отрезать врагу путь отхода в Босфор и при наличии возможностей блокировать его у побережья Турции.

Манифест об объявлении Россией войны Турции Нахимов получил в море 1 ноября. Из Севастополя манифест был доставлен ему пароходом «Бессарабия».

С получением манифеста П. С. Нахимов тотчас же известил эскадру сигналом: «Война объявлена, отслужить молебствие, поздравить команду». Люди, подготовленные заранее к предстоящим сражениям, встретили известие Нахимова громовым «ура».

3 ноября Нахимов передал на суда своей эскадры манифест об объявлении войны и с ним свой приказ, в котором он сообщал следующее: «Турецкий флот вышел в море в намерении занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале (за поисками флота отправлен из Севастополя с 6 кораблями генерал-адъютант Корнилов). Намерение неприятеля не может иначе исполниться, как пройдя мимо нас или дав нам сражение, в первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров,— во втором, с божией помощью и уверенностью в своих командирах, офицерах и командах, я надеюсь с честию принять сражение и не допустить неприятеля исполнить своё дерзкое намерение».

В заключение приказа Нахимов писал: «Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что, по мнению моему, в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу—есть лучшая тактика».

В тот же день Нахимов отдал ещё один приказ, который не только дополнял вышеприведённый, но и излагал с предельной ясностью тактические взгляды Нахимова и давал командирам кораблей наставления к предстоящему сражению.

«Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов,— писал Нахимов,— я считаю нужным предуведомить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим

Линейный корабль «Императрица Мария», на котором держал свой флаг адмирал Нахимов в Синопском бою.

нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает своё дело. Но вместе с тем советую командирам при атаке неприятеля на близкой дистанции, после первых прицельных выстрелов, когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы, посредством которых при крене корабля орудия можно поставить в это положение».

Дальше шли подробные наставления и указания, как подготовить пушки и команды к сражению. Как маневрировать в бою, как вести наблюдение и т. п.

4 ноября пароход «Бессарабия», посланный Нахимовым для разведки у берегов Турции, захватил турецкий транспортный пароход «Медиави Тедиавет» и привёл его к эскадре [1]. Из опроса команды этого парохода Нахимов узнал, что в Синопе стоят два турецких фрегата, корвет и транспорт.

Таким образом, полученное от Корнилова 26 октября извещение о наличии турецкого флота в водах Чёрного моря подтверждалось. Корнилов с 28 октября также крейсировал в море в поисках флота противника. 5 ноября эти поиски увенчались некоторым успехом. Корнилов встретил и после короткого боя захватил турецкий (египетский) военный пароход «Перваз Бахри», следовавший из Синопа. Узнав из опроса пленных, что в Синопе находится часть турецкого флота, Корнилов отдал приказание контр-адмиралу Новосильскому итти со своей эскадрой в распоряжение Нахимова, продолжавшего находиться в море. 7 ноября Нахимов встретился с Новосильским в море, взял из его эскадры более крепкие, с сильной артиллерией корабли «Ростислав», «Святослав» и бриг «Эней». Новосильскому же он передал более слабые суда: корабль «Иегудиил» и бриг «Язон».

Обменявшись кораблями, Новосильский со своей эскадрой ушёл в Севастополь, а Нахимов направился в Синоп с целью разведки — возможна ли блокада находившейся в Синопе части турецкого флота. На переходе к Синопу эскадре Нахимова 8 ноября пришлось выдержать сильнейший шторм, от которого несколько кораблей были повреждены. Наиболее пострадавшими оказались корабли «Святослав», «Храбрый», фрегат «Коварна». Эти суда и захваченный у турок пароход Нахимов 10 ноября направил в Севастополь

[1] Этот пароход был затем доставлен в Севастополь и получил новое название «Турок».

для ремонта; с ними он послал и донесения с показаниями пленных о наличии части турецкого флота в Синопе. Суда после ремонта должны были немедленно возвратиться в состав эскадры.

11 ноября Нахимов подошёл на 2 мили к Синопской бухте. Сведения о стоянке турецкой эскадры в Синопе не только подтвердились, но Нахимов установил, что у турок было явное превосходство в силах. У Нахимова в это время было только 3 корабля — «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» — и бриг «Эней». Будучи уверенным в том, что турки из-за бурной погоды останутся в бухте под прикрытием береговых батарей, а следовательно, и не рискнут в такую погоду вступить в бой с русской эскадрой в открытом море, Нахимов, блокировав Синопский порт, стал дожидаться прибытия подкреплений из Севастополя, с тем чтобы дать сражение.

Рано утром 12 ноября Нахимов послал с бригом «Эней» донесение командиру Севастопольского порта. В нём он писал: «Обозревши сего числа в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашёл там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил вашему превосходительству[1], а 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп и 2 больших парохода, стоящие на рейде под прикрытием береговых батарей. Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы собрать такой отряд военных кораблей в Синопе, я останусь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений. Тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте Манганари, я не задумаюсь их атаковать».

В этом же донесении Нахимов просил командира порта скорее прислать к нему два корабля его отряда и фрегат «Кулевчи», кроме того, если возможно, усилить эскадру

---

[1] Речь идёт о первом донесении, посланном 10 ноября с кораблями, ушедшими в Севастополь для ремонта.

новым 100-пушечным кораблём и пароходами. Вместе с тем он сообщал, что, по полученным им от моряков греческого корабля сведениям, английский и французский флоты стоят в Босфоре и заготовляют в Турции провизию. К донесению он приложил план расположения неприятельских кораблей в Синопе, составленный по его приказанию.

Командиру брига «Эней» Нахимов приказал по пути пройти к мысу Керампе и направить оттуда в Синоп крейсировавший там фрегат «Кагул». Однако, пока бриг «Эней» находился в пути, в Севастополе уже были приняты меры по оказанию помощи Нахимову. Ещё по получении первого известия от Нахимова с кораблями, отправленными в Севастополь для ремонта, в распоряжение Нахимова 12 ноября направили эскадру Новосильского, состоявшую из кораблей «Париж», «Три святителя» и «Великий князь Константин». Новосильский прибыл к Нахимову 16 ноября. В тот же день пришли и фрегаты «Кагул» и «Кулевчи». Теперь перевес сил был на стороне русской эскадры (372 орудия с одного борта против 286 турецких, считая и орудия береговых батарей), к тому же русская эскадра имела 76 бомбических орудий (против двух турецких), умелое использование которых в значительной мере и обеспечило успешное решение Синопского боя.

Второе донесение, посланное Нахимовым с бригом «Эней», было получено в Севастополе 16 ноября. Просьба Нахимова была удовлетворена, и 17 ноября по приказанию главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму Меншикова к Синопу был отправлен генерал-адъютант Корнилов с тремя боевыми пароходами — «Одесса», «Крым» и «Херсонес».

Но Нахимов, получив 16 ноября подкрепление из эскадры Новосильского, считал себя настолько уже сильным, что, не дожидаясь прибытия пароходов, решил немедленно атаковать противника. Подготовляясь к сражению, Нахимов 17 ноября созвал на флагманском корабле «Императрица Мария» совещание командиров кораблей. На совещании он

Синопский бой.

2. Адмирал Нахимов.

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

разъяснил намеченный им план боя и дал подробные инструкции к действию.

В тот же день появился приказ Нахимова. В нём даны были указания о подходе к противнику, изложена диспозиция, чётко поставлены задачи каждому кораблю, предусмотрено возможное поведение противника в предстоящем сражении и учтены все мельчайшие подробности боя. Понимая, что в ходе сражения может сложиться и иная обстановка, чем та, которая им предположена, Нахимов писал в приказе: «Все предварительные наставления, при переменившихся обстоятельствах, могут затруднить командира, знающего своё дело, а потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг... Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать эти ожидания».

С получением приказа на кораблях начались приготовления к сражению. Ночь с 17 на 18 ноября была дождливой, море — бурным. Лишь около 9 часов утра 18 ноября ветер стал стихать, начало проясняться. В 9 часов утра по сигналу флагманского корабля с эскадры стали спускать гребные суда. Их спускали для того, чтобы сохранить от возможного повреждения в бою, и для того, чтобы они не загромождали корабли в момент сражения и при попадании снарядов противника в корабли не увеличивали бы число обломков, поражающих личный состав верхней палубы.

В 9 часов 30 минут на флагманском корабле «Императрица Мария» взвился сигнал: «Приготовиться к бою и итти на Синопский рейд». Быстро эскадра снялась с якоря и с поднятыми национальными флагами рванулась на противника. На ходу по сигналу Нахимова эскадра построилась в две колонны. Строй двух колонн, установленный Нахимовым, был весьма разумным в тактическом отношении. Он вдвое сокращал пребывание эскадры под огнём противника при входе кораблей на Синопский рейд и, следовательно, в два раза ускорял развёртывание эскадры к бою по изме-

ченной диспозиции. Это же в свою очередь обеспечивало быстрый натиск на противника при безусловной гарантии меньших поражений кораблей противником и сохранении меньших жертв живой силы русского флота. Манёвр этот блестяще удался. В наветренной[1] колонне шли 3 корабля — 84-пушечные корабли «Императрица Мария» (флагман) и «Чесма» и 120-пушечный корабль «Константин»; в подветренной[2] колонне шли тоже 3 корабля — 120-пушечный корабль «Париж» (командиром последнего был капитан 1-го ранга Истомин, будущий герой обороны Севастополя), 120-пушечный корабль «Три святителя» и 84-пушечный корабль «Ростислав». Фрегаты «Кагул», имевший 44 пушки, и «Кулевчи», имевший 52 пушки, остались под парусами перед входом в Синопскую бухту. Их задачей было прикрыть выход из бухты для того, чтобы воспрепятствовать возможному бегству во время боя турецких пароходов, стоявших в Синопе.

Около полудня эскадра подошла к входу в бухту. На кораблях всё было подготовлено, чтобы по первому сигналу вступить в бой. Все только ожидали сигнала с флагманского корабля. Прошло немного времени, пробила одна склянка. В это время с турецкого корабля раздался первый пушечный выстрел, и вслед за ним началось знаменитое Синопское сражение.

В ходе боя Нахимов, неразлучный со своей подзорной трубой, спокойно следил за действиями эскадры.

К концу боя из-за мыса показались спешившие из Севастополя пароходы под флагом генерал-адъютанта Корнилова «Одесса», а за ним «Крым» и «Херсонес». На флагманском корабле Корнилова был поднят сигнал своим кораблям: «Атаковать неприятеля, поставить его в два огня».

К 4 часам пароходы Корнилова подошли к эскадре, заняв

---

[1] Наветренный — обращённый туда, откуда дует ветер.
[2] Подветренный — противоположный направлению ветра.

позицию для боя и, на случай необходимости, для отвода кораблей от берега. Но судьба турецкой эскадры уже была решена. Лишь две турецкие батареи продолжали ещё обстреливать русские корабли «Париж» и «Ростислав», но вскоре и они были подавлены.

Синопский бой был проведён русскими моряками в точном соответствии с диспозицией, намеченной Нахимовым. В бою полностью оправдались указания Нахимова на необходимость инициативы и взаимопомощи командиров кораблей. Офицеры и матросы отважно сражались, искусно управляли в бою кораблями, метко стреляли по противнику. Они проявили великое бесстрашие и отличное мастерство. Это были результаты нахимовского обучения и воспитания людей — воспитания в действии.

Флагманский корабль Нахимова «Императрица Мария», отстреливаясь от кораблей противника, неуклонно шёл вперёд и отдал якорь лишь тогда, когда достиг своей цели — флагманского корабля турок «Ауни Аллах». Своим огнём он зажёг корабль противника и заставил его выброситься на берег, а затем уничтожил также турецкий фрегат «Фазли Аллах». Несмотря на то что в бою флагманский корабль «Императрица Мария» получил 60 пробоин и другие повреждения, он повернул для оказания помощи второй колонне кораблей.

Корабль «Константин» на подходе к указанному месту по диспозиции был осыпан градом ядер, книпелей [1] и картечи. Однако он упорно продвигался вперёд и стал на якорь для боя вскоре после флагманского корабля. Батальным огнём правого борта по турецкой батарее и двум фрегатам он вначале взорвал один фрегат и обломками этого корабля, а также огнём своих пушек на время подавил огонь берего-

---

[1] **Книпель** — артиллерийский снаряд, состоявший из двух чугунных цилиндров, ядер или полуядер, насаженных на концах железного четырёхгранного стержня. Применялся для уничтожения или повреждения мачт, парусов и снастей противника.

вой батареи. Затем, повернувшись на шпринге[1], он открыл губительный огонь по другому турецкому фрегату и корвету. Вскоре фрегат и корвет были подбиты и выброшены ветром на берег. Корабль «Чесма» вначале совместно с «Константином» обстреливал один из фрегатов до взрыва последнего и одновременно вёл огонь по турецким батареям. Когда с фрегатом было покончено, «Чесма» огнём своих пушек уничтожила береговые батареи.

Корабль «Париж», на котором был второй флагман контр-адмирал Новосильский, точно по диспозиции стал на якорь и метким огнём своих пушек потопил три турецких судна, а затем повёл уничтожающий огонь по береговой батарее. Действия корабля «Париж» получили в ходе боя особое одобрение Нахимова.

Корабль «Три святителя», несмотря на то что на нём были сильные повреждения, огнём своих пушек заставил фрегат противника выброситься на берег и до конца боя продолжал вести огонь. Корабль «Ростислав» огнём своих пушек потопил корвет и уничтожил батарею. На «Константине» в разгар боя разорвавшейся бомбой была разбита палуба и начался пожар. Быстро распространявшийся огонь угрожал взрывом крюйт-камеры (места, где хранится порох). Мичман Колокольцев, пренебрегая опасностью, наглухо закрыв двери и люки крюйт-камеры, с хладнокровием потушил огонь и спас этим корабль от взрыва.

Моряки дрались с врагом самоотверженно, с необыкновенным упорством, тушили пожары, тут же становились на место убитых и раненых. К 5 часам вечера 18 ноября 1853 г. битва завершилась полным уничтожением турецкой эскадры и всей береговой обороны противника.

Только один пароход противника, «Таиф», под командованием английского офицера, пользуясь своим превосход-

---

[1] Шпринг — трос, ввязанный в скобу якоря. Шпринг заводят для того, чтобы при всех переменах ветра или течения корабль оставался повёрнутым одним бортом в желаемом направлении.

ством в скорости против фрегатов «Кагул» и «Кулевчи», сумел прорваться и уйти в Константинополь. То, что ещё представляло собою остатки неприятельского флота, было выброшено на берег и догорало, взрывалось на воздух, осыпая близлежащие улицы обломками кораблей. Посланные Нахимовым в Синоп парламентёры нашли город опустевшим, батареи были разгромлены, стоявшие в порту транспорты и торговые корабли затонули от попавших в них ядер. Парламентёры заявили местным турецким властям, что они пришли уничтожить флот, но городу не угрожают, после чего возвратились на корабли.

В Синопском сражении было уничтожено 13 боевых неприятельских кораблей и 4 купеческих, убито было до 3 тысяч турок; в числе захваченных в плен находились начальник турецкой эскадры вице-адмирал Осман-паша и два командира кораблей.

С нашей стороны не было ни одного затонувшего корабля, а повреждения кораблей были сравнительно незначительны. Убитых было 1 офицер, 37 матросов, ранено и контужено 7 офицеров и 229 матросов.

Черноморские моряки оправдали надежды своего адмирала, выраженные в его приказе накануне боя. Россия недаром ждала славных подвигов от Черноморского флота.

19 ноября весь день производились исправления повреждённых кораблей. Через 36 часов напряжённой работы эскадра была уже готова выйти в обратное плавание.

Утром 20 ноября корабли начали сниматься с якоря и 23 ноября стали прибывать в Севастополь, совершив трудный переход в бурную погоду.

«Синопский бой, доказавший превосходное состояние Черноморского флота и знакомство русских с новейшими усовершенствованиями военного дела, возбудил в России живейшую радость, и имя Павла Степановича сделалось известным каждому русскому человеку», — писали тогда современники.

Черноморский линейный флот перед Крымской войной.

Нахимова встречали в Севастополе как героя, оказывая ему восторженный приём.

Все иностранные газеты писали о синопском поражении турок и о герое Синопской победы Нахимове.

Виднейшие русские военные специалисты — моряки и армейцы,— видные военные специалисты иностранных флотов, объективно подходившие к разбору Синопского сражения, единодушно утверждали, что этот бой был проведён Нахимовым по всем правилам морского искусства того времени, и приводили его как примерный и поучительный для парусного флота. Бой этот блестяще показал результаты длительных трудов Нахимова и его соратников, результаты обучения и воспитания личного состава в дальних морских крейсерствах, в которых под руководством Нахимова закалялся личный состав флота, подготовляясь к войне.

Генерал-адъютант Корнилов в письме к своей жене от 22 ноября 1853 г. восторженно отзывался о своём друге Нахимове, а самое сражение оценил так: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику!»

Корнилов неоднократно говорил, что переход Нахимова в бурную погоду с повреждёнными кораблями из Синопа в Севастополь — это вторая его победа. И это действительно так, если учесть, каким капризным и бурным является Чёрное море, особенно в осенние месяцы.

На второй день по приходе эскадры в Севастополь Нахимов издал два приказа, в которых давалась оценка Синопскому сражению и личному составу, выигравшему это сражение. В приказе от 23 ноября 1853 г. Нахимов писал:

«Истребление синопского флота в Синопе эскадрой, состоящей под начальством моим, не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману[1],

[1] Вторым флагманом был контр-адмирал Новосильский.

как главному моему помощнику, который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо вёл её в бой, и гг. командирам кораблей и фрегатов за хладнокровную и точную установку своих судов по данной диспозиции во время сильного неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбрость в продолжение самого дела; обращаюсь с признательностью за неустрашимо точное исполнение своего долга, благодарю команды, которые дрались, как львы».

В заключение Нахимов писал: «Мне не остается ничего, как исполнить свой приятный долг — донести государю императору как об общем деле, так и действии каждого в частности и ходатайствовать о наградах».

Затем он приказал на следующий день отслужить молебен и ожидать прибытия его на суда. «Я хочу, — писал Нахимов в приказе,— лично поздравить командиров, офицеров и команды с победой и благодарить их за благородное содействие моим предположениям и объявить, что с такими подчинёнными я с гордостью встречусь с любым неприятельским европейским флотом».

Это был ответ флотам тех стран, которые подстрекали Турцию на войну и поддерживали её, когда она начала военные действия. Это был ответ политическим деятелям и прессе тех иностранных государств, которые заняли в отношении России после Синопского сражения резко враждебную позицию и умаляли значение этого сражения.

Нахимов меньше всего относил успех сражения на свой счёт.

«Пароходы, пришедшие во время самого сражения с генерал-адъютантом Корниловым и с начальником пароходного отряда контр-адмиралом Панфиловым,— отмечал Нахимов в приказе, — содействовали весьма много последнему истреблению турецкого флота. Окончательное же действие пароходов, вывод флота из Синопа с повреждённым рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь — выказали как глубокие сведения флагмана и

командиров пароходов, так и готовность их на всякий высокий подвиг. Изъявляю им глубокую мою признательность за действия их. Я буду ходатайствовать о награждении их и прошу представить мне офицеров, которые более всего им содействовали».

За Синопскую победу П. С. Нахимов был награждён орденом Георгия 2-й степени и царской грамотой.

3

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Как и следовало ожидать, успех Синопского сражения ускорил разрыв дипломатических отношений Англии и Франции с Россией, опасавшихся могущества последней. Стоявший наготове в Босфоре англо-французский флот после Синопского сражения получил приказ выйти в море, что и было им осуществлено 22 декабря 1853 г. В тот же день англо-французское командование направило в Севастополь письмо, в котором русское командование извещалось, что союзные флоты вошли в Чёрное море, чтобы защитить Турцию. Дипломатическое письмо заканчивалось выражением уверенности, что со стороны русских будут приняты меры к предупреждению событий, могущих подвергнуть мир опасности. По существу это был вызов к войне.

В английском парламенте начались дебаты в связи с победой русских при Синопе. Английская и французская пресса открыла неистовую кампанию против России.

Она пыталась не только умалить значение данного Нахимовым боя, но даже скомпрометировать его имя.

Правительства Англии и Франции всячески подготовляли общественное мнение к развязыванию войны с Россией.

Пресса нейтральных стран Европы и Америки, напротив, давала высокую оценку русскому флоту и адмиралу Нахимову, признавая его одним из наиболее видных и та-

лантливых флотоводцев, а Синопский бой — искусным морским сражением.

Хотя до апреля 1854 г. разрыв дипломатических отношений формально не был объявлен, но фактически уже с декабря 1853 г. Россия находилась в состоянии войны с Англией и Францией, то есть с того времени, как они ввели свои флоты в Чёрное море для военных действий против России.

Для Корнилова и Нахимова отныне стало ясно, что союзники попытаются перенести главный театр военных действий в Крым, с тем чтобы прежде всего уничтожить Черноморский флот, захватить и разрушить его базу — Севастополь.

Корнилов передал это мнение главнокомандующему армией и флотом князю Меншикову. Он просил его отдать распоряжение приступить к работам по укреплению Севастополя и принять необходимые меры предосторожности на случай десанта.

Но князь Меншиков, угодливо поддерживая мнение Николая 1 в том, что противник не решится на высадку десанта, не считал нужным создавать в Севастополе мощную оборону. Как видно из воспоминаний современников, не очень волновала князя и судьба флота. Меншиков никогда не был крупным военачальником, руководителем флота он стал случайно. После разгрома декабристов Николай I искал для себя верных и надёжных помощников. Одним из таких людей и оказался Меншиков, который поверхностно был знаком с флотом. И этого оказалось достаточно для того, чтобы царь назначил его в 1826 г. начальником главного морского штаба.

Когда в 1853 г. возникли военные события, в которых Черноморскому флоту отводилась большая роль, князь Меншиков был назначен главнокомандующим армией, находившейся в Крыму, а в оперативном отношении он же был и руководителем флота. Став во главе крымской армии и Черноморского флота, Меншиков во всём оста-

вался таким же ловким царедворцем, каким он был до этого в Петербурге при дворе. Царь же во всём ему доверял. На поступавшие в Петербург разные неблагоприятные сведения о Меншикове Николай I смотрел сквозь пальцы, считая их поклёпами на князя из зависти.

При такой обстановке трудно было воздействовать на главнокомандующего. По своему положению и Корнилов и Нахимов могли лишь предложить те или другие мероприятия. Только крайние обстоятельства кануна Крымской войны заставили Корнилова от своего имени и от имени Нахимова и других моряков выступить перед князем с настойчивыми требованиями обратить внимание на судьбу Севастополя, флота и Крыма. И только под давлением неоспоримых доказательств угрозы войны с Францией и Англией князь Меншиков дал согласие на проведение некоторых мер по усилению охраны побережья и укреплению Севастополя.

28 декабря 1853 г. главнокомандующий издал приказ о разделении обороны Севастополя на участки. На начальника штаба Черноморского флота генерал-адъютанта Корнилова он возложил заботы о гаванях, на командующего эскадрой вице-адмирала Нахимова — оборону города с моря и суши.

Корнилов и Нахимов не стали терять времени. Они привели флот в боевую готовность, начали подготовительные работы по обороне Севастополя. В Севастополе и на важных участках крымского побережья был установлен световой телеграф, по сторожевым пунктам побережья для наблюдения и связи усилены казачьи пикеты, затемнены маяки и сняты ограждения фарватеров.

11 апреля 1854 г. был объявлен манифест о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией. Дипломатические препирательства кончились, и война с крупнейшими европейскими державами стала фактом. Вскоре началась и боевая разведка англо-французского флота,

базировавшегося на турецкие порты Чёрного моря Варну, Константинополь и другие.

Впервые англо-французский флот появился на виду у Севастополя 15 апреля 1854 г.[1]. Но это была пока только разведка и демонстрация сил союзников. Что же касается положения русского флота, то последний в связи с появлением в Чёрном море мощного флота союзников, в составе которого были не только парусные, но и много паровых кораблей, фактически был блокирован в Севастополе. Правда, в первое время имелась ещё некоторая возможность незаметно увести флот в Николаев, но Меншиков держал его в Севастополе, и лишь изредка немногие пароходы выходили в море. Это лишало возможности даже разведать силы противника, в силу чего главнокомандующий, а по его вине и морское командование не имели ни сведений о численном составе сил флота противника, ни тем более сведений о планах врага.

Разрыв дипломатических отношений с Англией и Францией и демонстративное появление их флотов у побережья Крыма заставили руководителей Черноморского флота и крепости усилить оборонительные работы в Севастополе. Однако дело подвигалось пока далеко не так успешно, как того требовала обстановка. Чувствовался острый недостаток в инструментах, строительных материалах, а главное — в дело создания обороны пока ещё не были вовлечены все офицеры, матросы, солдаты и население города. Корнилов, Нахимов и Тотлебен из-за пребывания Меншикова в Севастополе не могли полностью осуществить свои планы создания новых и принципиально по-иному расположенных укреплений вокруг города. Правда, Меншиков формально уже не стеснял ведение оборонительных работ, но и не способствовал им.

Время же не ждало, грозные события приближались. 14 июля 1854 г. флот противника снова появился у бере-

---

[1] Все даты даны по старому стилю.

гов Крыма, а затем начал крейсировать вблизи Севастополя.

В этой обстановке Корнилову и Нахимову приходилось пока беречь флот для решающих битв. Правда, они тогда ещё не предполагали, что придётся использовать его не в морском сражении, а для обороны города, но решение беречь флот до момента решающих схваток было абсолютно правильным.

1 сентября 1854 г. около десяти часов утра были замечены два корабля противника и за ними на горизонте — густой дым. Вскоре были получены дополнительные сведения о том, что в направлении к Евпатории обнаружено до 70 кораблей и пароходов. К вечеру было установлено, что к берегам Крыма движется больше сотни кораблей и пароходов. Как оказалось в действительности, к берегам Крыма прибыла целая армада в составе 34 линейных кораблей, 55 фрегатов, до 300 транспортов и других военных кораблей, на которых было до 60 тысяч войск. Около 9 часов вечера пришло новое известие о том, что у Евпатории суда противника становятся на якорь.

Теперь уже ни у кого не могло быть сомнения, что противник намерен высадить десант. Высадка десанта началась 2 сентября и закончилась к 6 сентября. С первого же момента противник захватил без боя Евпаторию. За четыре дня было высажено 62 223 человека со всем вооружением и боеприпасами. Французов было 28 223 человека с 92 полевыми орудиями, англичан 27 тысяч с 54 полевыми орудиями и турок 7 тысяч с 21 орудием.

Между Крымом и Турцией начали курсировать корабли и пароходы, доставлявшие запасы продовольствия, боеприпасы, инструменты союзникам. У берегов Крыма в боевой готовности курсировал флот противника.

Князь Меншиков с получением известия о начале высадки вражеского десанта отдал приказание все имеющиеся силы сосредоточить в направлении к Евпатории,

на реке Альме. Оборону Севастополя он возложил на флот и резервные батальоны 13-й пехотной дивизии.

Сосредоточение сил обеих сторон было завершено 7 сентября. На оборонительных позициях русской армии находилось 42 батальона пехоты, 16 эскадронов конницы с 84 полевыми орудиями. Всего же русские войска составляли немногим больше 30 тысяч человек. Противник имел на поле боя больше 61 тысячи человек, абсолютное численное превосходство в полевой артиллерии и техническое превосходство в оружии — пушках и ружьях.

Это соотношение сил показывает, что Меншиков не мог особенно рассчитывать на выигрыш сражения. Однако упорство русских войск, проявленное в сражении на реке Альме, говорит о том, что главнокомандующий смог бы нанести противнику весьма серьёзный удар при высадке десанта и дать отпор врагу в самый решающий для него момент.

Ночь перед сражением обе армии находились друг перед другом. Союзники приготовились к наступлению, русские войска — к обороне. Начало наступления было назначено на 7 часов утра 8 сентября. Однако наступление началось только в половине двенадцатого. К часу дня на всём фронте разгорелось жестокое сражение. В самом же начале боя обнаружилась непродуманность главнокомандующим плана сражения, оказались непредвиденными и размеры его. Накануне сражения из лагеря русской армии были отправлены в тыл, на реку Качу, не только обозы с запасами боеприпасов, но и значительная часть фур, предназначенных для перевозки раненых; с ними были отправлены в тыл и многие медицинские работники.

Русские солдаты и офицеры сражались, как львы, русская артиллерия в упор громила врага, но у неё было мало снарядов, к тому же запасы были увезены на сравнительно большое расстояние. Сразу обнаружилась огромная недостача санитарных средств. Раненых не успевали под-

бирать на поле боя, подобранным же раненым нечем было оказать существенную помощь.

Диспозиция была составлена так, что некоторые полки, попав под губительный огонь противника с моря и суши, несли огромные потери, не принося успеха на нужных участках. Так, например, Минский полк, поставленный у берега, почти весь был уничтожен огнём корабельной артиллерии противника. Выгодные для обороны высоты в ряде мест не были заняты нашими войсками, что дало возможность противнику легко захватить их и использовать удобные позиции для нанесения удара нашей армии.

Если бы не железное упорство в бою и храбрость русских солдат и офицеров, то весьма вероятно, что последствия сражения на Альме для русской армии были бы более печальными. Только невиданный героизм солдат и распорядительность офицеров дали возможность нанести противнику сильнейший урон.

В результате четырёхчасового сражения, в котором русские войска с исключительной храбростью сдерживали противника, союзники потеряли в сражении на реке Альме до 5 500 человек. Союзники получили возможность убедиться в том, что русская армия по своей храбрости и самоотверженню явилась серьёзной соперницей лучших армий в Европе, несмотря на то что имела худшее вооружение и обладала численно в два раза меньшими по сравнению с армиями союзников силами.

После сражения русская армия к вечеру 8 сентября отступила к реке Каче, где и расположилась лагерем. На следующий день, продолжая отступление, русские войска отошли вначале к Бельбеку, а затем, вечером этого дня, подошли к Севастополю и расположились бивуаком на Куликовом поле.

В Севастополе о проигранном сражении и об отступлении армии стало известно в тот же день вечером. В связи с создавшейся угрозой флоту и Севастополю Корнилов ещё утром 9 сентября, когда армия сосредоточивалась у

Бельбека, собрал военный совет. Он объявил о проигранном сражении, об отступлении русской армии и, делая вывод из сложившейся угрожающей для флота и города обстановки, предложил стойко оборонять город и стоять в борьбе насмерть до последнего человека. Флоту он ставил задачу выйти в море и вступить в бой с силами противника, сконцентрировавшимися у мыса Лукулла. Корнилов рассчитывал на два возможных исхода сражения. Черноморский флот, напав внезапно на неприятельские корабли, может разметать их и нанести им большой урон и тем лишить союзную армию продовольствия, подкрепления и вызвать в ней замешательство; это дало бы возможность русским войскам оправиться и напасть на противника. Если же успеха не было бы, то лучше, полагал Корнилов, погибнуть в бою, сцепившись с неприятельскими кораблями вплоть до абордажного сражения и затем взорваться на воздух, чем передавать флот в руки противника.

Предложения Корнилова не встретили ни одобрения, ни поддержки присутствующих, в том числе и Нахимова. Все уважали смелость и самоотверженность Корнилова, но предложение его считали нецелесообразным. Большинство участников совещания считало возможным затопить часть кораблей у входа на рейд и этим преградить доступ флоту противника в Севастопольский порт, использовать корабельную артиллерию с затопленных судов для установки береговых батарей и, опираясь на остающуюся часть флота (большей частью на новые корабли и пароходы), а также на береговые укрепления, продолжать сухопутную оборону, с тем, чтобы любой ценой сохранить в своих руках Севастополь.

Корнилов не знал, что князь Меншиков в тот же день пришёл к тому же выводу о необходимости затопить часть кораблей, с тем чтобы закрыть этим неприятелю вход на рейд и использовать экипажи с затопленных судов для сухопутной обороны.

Не удовлетворившись решением военного совета, Корнилов отправился к князю Меншикову, чтобы изложить ему свой взгляд и добиться от него поддержки. В ответ на это последовало приказание затопить часть кораблей у входа на рейд. Корнилов пытался было возражать князю, но Меншиков остался непреклонным в своём решении.

10 сентября по приказанию главнокомандующего были затоплены у входа на рейд корабли: «Три святителя», «Уриил», «Селефаил», «Варна», «Силистрия» и фрегаты «Флора» и «Сизополь». 10 новых мощных кораблей были расположены на позиции вдоль южного берега рейда в районе от Артиллерийской бухты до Килен-балочной. Поставленная перед этими кораблями задача заключалась в том, что в случае атаки Северной стороны они должны были обстреливать неприятеля в этом направлении. Остальные корабли и пароходы были размещены в бухте с таким расчётом, чтобы можно было использовать их в обороне города с суши и моря.

Моряки с затопленных кораблей и часть с уцелевших кораблей были направлены на пополнение сухопутных сил гарнизона. На уцелевших кораблях оставалась только артиллерийская прислуга и та часть личного состава, которая была необходима для сохранения боеспособности и живучести кораблей.

9, 10 и 11 сентября было сформировано 12 морских батальонов, а всего к тому времени было 17 морских батальонов.

Положение Севастополя с каждым днём становилось всё более тяжёлым. 12 сентября к концу дня противник уже подошёл к Бельбеку; с северных укреплений были уже видны бивуаки противника. Положение осложнилось ещё тем, что армия по приказанию князя Меншикова стала отходить от Севастополя к Бахчисараю.

12 сентября Меншиков поручил командование войсками, оставляемыми в городе, бездарному генерал-лейтенанту Моллеру, оборону Северной стороны возложил на гене-

рал-адъютанта Корнилова, а руководство командами оставшихся кораблей и всем оборонительным Южным районом — на вице-адмирала Нахимова.

Нахимов, не считая себя достаточно компетентным в военно-сухопутных делах и понимая, что наличие трёх начальников лишит дело обороны единого командования и внесёт дезорганизацию в ряды войск, в тот же день обратился к главнокомандующему с просьбой назначить вместо него другого человека. Нахимов указал, что, несмотря на свой возраст и звание, он готов подчиниться любому человеку, младшему по званию, но способному возглавить оборону.

Не поняв, что речь идёт в основном о необходимости единого командования, Меншиков не принял во внимание просьбу Нахимова. Вскоре вслед за этим он с войсками отбыл из города на новые позиции.

Уход из Севастополя главных сил поставил севастопольский гарнизон и флот в ещё более тяжёлое положение, чем в первые дни после отступления армии с Альминских позиций. Весь гарнизон в это время, по данным генерал-адъютанта Тотлебена, состоял из 17 батальонов моряков, 8 батальонов резервной бригады, 13-й пехотной дивизии и одного сапёрного батальона. Общая численность этих войск доходила до 16 500 солдат и матросов и 416 офицеров.

Севастопольскому гарнизону противостояли теперь более чем 60-тысячная хорошо вооружённая армия противника и его огромный флот. Противник находился уже в 5 верстах от города. Северной стороне угрожала наибольшая опасность: против неё были сконцентрированы главные силы противника, она была наиболее слабо укреплена. Правда, к этому времени с 2 по 13 сентября моряки под руководством Тотлебена и Истомина построили на Северной стороне 4 мощные батареи, прорыли траншеи и построили ряд других укреплений. Однако в целом оборонительная линия была ещё далеко не достаточна, для

того чтобы сдержать натиск огромной массы сил противника, если бы он предпринял наступление.

14 сентября Нахимов издал следующий приказ: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона. Я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой. Нас соберётся до 3 тысяч; сборный пункт на Театральной площади, о чём по эскадре объявляю».

Нахимову, как и всем морякам, воспитанным и обученным им, прославившимся в героическом сражении у Синопа, тяжело было топить свои корабли, но другого выхода не было. Всё же на всякий случай Нахимов решил не сразу затопить корабли, а только прорубить в них отверстия и временно заделать их. Нахимов рассчитывал, что если противник ворвётся в город и будет угрожать флоту, то останется время открыть прорубленные отверстия и потопить корабли. Если же обстановка сложится так, что потребуются морские операции флота, то прорубленные отверстия при хорошей заделке не помешают использовать корабли для выполнения любой задачи.

Вслед за изданием приказа Нахимов сформировал из моряков два новых сводных батальона и приказал свезти с кораблей и вывезти со складов часть орудий; они были установлены на вновь сооружаемых укреплениях.

Нахимов в эти дни лично руководил установкой их. Он подбирал на батареи наиболее опытных офицеров и матросов, распределял боеприпасы и, постоянно находясь на самых ответственных участках строительства оборонительных рубежей, воодушевлял людей на трудную, но крайне необходимую работу по защите города.

Корнилов в свою очередь принимал самое деятельное участие в укреплении Северной стороны и в подготовке города к обороне.

В эти исключительно тяжёлые для Севастополя дни на постройке оборонительных рубежей день и ночь работали не только матросы и солдаты, не только все офицеры морских и армейских батальонов, но поголовно все жители города, в том числе женщины и дети. В Севастополе нехватало железных лопат и ломов, тогда стали подрывать скалы и из обломков их строить заграждения. Всё, что только могло быть применено в сооружении оборонительных рубежей, было пущено в дело.

Нахимов, Корнилов и Тотлебен ожидали, что противник предпримет наступление на Северную сторону, где были сконцентрированы его главные силы. Однако, к счастью защитников Севастополя, их опасения не оправдались: союзники решили наступать на Южную сторону.

Евпатория, куда в сентябре высадился десант союзников, с её открытым рейдом, особенно с наступлением осенних непогод, оказалась чрезвычайно ненадёжным пунктом стоянки громадного военного и транспортного флота. Последний требовал особенно благоприятных условий для высадки подвозимых подкреплений и выгрузки всевозможного снабжения для 60-тысячной армии. Отсутствие каких-либо других пунктов базирования на западном побережье Крыма вынудило союзное командование искать их на юге. Таковыми были признаны Камышёвая бухта (для французов) и Балаклава (для англичан). Поскольку обе бухты находились по южную сторону Севастополя, командование сухопутными войсками вынуждено было избрать объектом нападения южный фронт города, тем более, что в случае захвата Севастополя с этой стороны в руки противника попадали адмиралтейство, верфи, доки и прочее, т. е. вся база флота.

Как выяснилось значительно позже, союзники отклонили мысль о наступлении на Северную сторону ещё и потому, что предполагали наличие на ней мощных укреплений, брать которые без достаточной поддержки корабельной ар-

тиллерии, при наличии мощных береговых батарей русских на побережье, казалось им рискованным.

Итак, решение было принято. 13 сентября началось передвижение войск противника в направлении к Южной стороне; союзники начали оттягивать войска от Бельбека в направлении к хутору Мекензи. 14 сентября это передвижение стало ещё более заметно, и, наконец, 15 сентября после занятия противником Балаклавы уже не было никаких сомнений, что противник направление главного удара переносит на Южную сторону.

Меж тем русская армия продолжала отходить от Севастополя. Утром 13 сентября она находилась в 15 верстах от северных укреплений. 14 сентября армия отошла на Качу, где временно остановилась в ожидании подхода подкреплений и подвоза продовольствия и боеприпасов из Симферополя, с тем чтобы отойти затем дальше в глубь Крыма.

Следует признать, что отход Меншикова к Бахчисараю имел своим положительным результатом то, что он не дал возможности союзникам отрезать Крым и Севастополь от сообщения с севером и вместе с тем в случае нападения неприятеля на Северную сторону создавал для него угрозу с тыла. В случае же, если бы Меншиков остановился у Севастополя, союзники беспрепятственно перерезали бы ему все коммуникации с севера, и тогда Севастополь и русские главные силы были бы лишены всякого подвоза. Но, делая этот правильный манёвр, Меншиков, однако, недооценивал той роли, которую предстояло сыграть в скором времени Севастополю. После сражения на реке Альме он считал Севастополь обречённым на потерю. Исходя из этого, он не счёл нужным при отводе армии к Бахчисараю подкрепить силами крайне малочисленный гарнизон Севастополя.

Но мало того, он при отступлении фактически не оставил в Севастополе главного начальника обороны. В гарнизоне старшими по званию и срокам военной службы оставалось три человека: главный начальник армейских частей,

Адмирал Нахимов лично наводит орудие на одной из батарей Севастополя

престарелый и бездарный генерал-лейтенант Моллер, следующим по срокам выслуги был вице-адмирал Нахимов, командовавший в то время эскадрой и руководивший обороной Южного укреплённого района, и, наконец, за ним шёл вице-адмирал генерал-адъютант Корнилов, занимавший должность начальника штаба Черноморского флота и руководителя обороны Северного укреплённого района.

В силу сложившейся обстановки старшим начальником согласно военной субординации должен был стать престарелый генерал-лейтенант Моллер. В интересах же обороны города начальником должен был быть Нахимов или Корнилов. Фактическое троевластие осложняло и без того крайне тяжёлое положение защитников Севастополя. Обстановка требовала немедленно покончить с этим беспорядком, учинённым нераспорядительностью князя Меншикова.

Нахимов, верный своим принципам ни с чем не считаться в интересах успеха в борьбе, нашёл в себе мужество нарушить николаевские порядки военной субординации и выступить против неспособного Моллера в пользу Корнилова. На состоявшемся 13 сентября военном совете Нахимов с присущей ему прямотой и искренностью заявил, что Моллер не способен быть руководителем обороны, и предложил уполномочить для этой миссии Корнилова, причём он добавил, что с радостью будет подчиняться младшему по сроку службы Корнилову.

Демонстративное заявление Нахимова на военном совете о том, что он признаёт над собой начальником Корнилова, вынудило генерала Моллера в свою очередь издать приказ, в котором он объявил, что Корнилов назначается начальником штаба обороны. Генерал Моллер, зная, что его не любят не только моряки, но и его же подчинённые офицеры, не говоря уже о солдатах, вынужден был пойти на эту уступку.

Так было образовано единое командование; фактическим начальником гарнизона стал Корнилов. Позже, под нажимом Нахимова, генерал Моллер был отозван Меншиковым

к себе, а затем и вовсе откомандирован из армии. С его отъездом Нахимов и Корнилов развили ещё большую инициативу по укреплению обороны города. Убедившись в том, что союзники решили перенести главные действия на Южную сторону, руководители обороны в свою очередь приняли контрмеры.

Нахимов вывел из Южной бухты ряд кораблей и расставил их так искусно, что их артиллерия сыграла огромную роль в отражении бомбардировок и штурмов противника и в повседневных артиллерийских состязаниях с ним.

В то же время Нахимов по планам и с помощью Тотлебена развил ещё более лихорадочную работу по возведению укреплений на Южной стороне.

Корнилов в свою очередь перевёл с Северной стороны на Южную сторону 11 морских батальонов и бросил их на помощь Нахимову по сооружению оборонительных рубежей.

Сказочно быстро росли укрепления, рос и укреплялся моральный дух защитников города. Гарнизон готовился к отражению возможного штурма.

Рано утром 15 сентября Корнилов в сопровождении своих помощников объехал всю оборонительную линию, где говорил с офицерами, матросами и солдатами, воодушевляя их на борьбу:

«Будем драться до последнего,— говорил он им.— Отступать нам некуда — сзади нас море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой — заколите такого начальника; заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный бой. Товарищи, если бы я приказал ударить отбой — не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьёт меня» [1].

---

[1] Сборник «Оборона Севастополя», составлен полковником Зайончковским, изд. 2-е, Спб. 1904.

По свидетельству современников, все жили единой мыслью — сражаться до последней возможности и любой ценой отстоять Севастополь.

Обстановка 15 и 16 сентября была крайне напряжена, тем более что защитники города не имели никакой связи с армией Меншикова. 17 сентября были получены первые сведения о том, что русская армия вновь приближается к Севастополю.

Вечером этого дня авангард русской армии подошёл к Инкерманскому спуску и установил связь с Северной стороной. Наконец, 18 сентября, в середине дня, к величайшей радости защитников Севастополя, на Бельбекских высотах показались главные силы. В два часа дня этого же числа на четвёртую батарею прибыл князь Меншиков.

Противник в это время заканчивал сосредоточение сил на Южной стороне и начал производить отдельные вылазки и нападения.

Первая артиллерийская перестрелка началась ещё с 11 сентября. И с этого времени она изо дня в день всё более и более оживлялась.

Продвижение русской армии к Севастополю ободрило защитников города. По настоятельной просьбе Нахимова и Корнилова князь Меншиков дал согласие на подкрепление гарнизона. 19 сентября в состав гарнизона были влиты Московский и Бородинский полки, 3-й батальон Тарутинского полка, лёгкая батарея и сотня казаков — всего до 9 тысяч штыков. В то же время усилилась и армия Меншикова, в которую прибыли Бутырский пехотный полк, резервные батальоны Волынского и Минского полков, резервный линейный Черноморский батальон, две сотни казаков и несколько батарей.

20 сентября, по инициативе Корнилова, оборонительная линия для лучшего руководства ею была разделена на четыре сектора: 1-й сектор — от моря до редута № 1 (Шварца) — был вверен генерал-майору Асланови чу; 2-й сектор — от редута № 1 до Грибка включительно — вице-

адмиралу Новосильскому; 3-й сектор — от батарей на Пересыпи до Докового оврага — контр-адмиралу Панфилову; 4-й сектор — от Докового берега до рейда — контр-адмиралу Истомину.

Силы гарнизона к этому числу составляли уже около 24 тысяч человек, не считая команд, оставшихся на кораблях.

Все эти дни Нахимов попрежнему неутомимо продолжал руководить работой по укреплению оборонительных рубежей. Он ежедневно по нескольку раз объезжал самые опасные участки обороны. Добрым словом, советом, а где и строгим требованием наводил он порядок на бастионах, подавал пример храбрости в бою с врагом, показывал, как лучше наводить орудия, чтобы без промаха поражать противника. Благодаря его неутомимой энергии налажено было питание защитников обороны из запасов продовольствия Морского ведомства, организованы были госпитали, налажена доставка в них раненых.

2 октября он передислоцировал часть кораблей и пароходов в соответствии с сложившейся обстановкой. И нужно сказать, что эта передислокация была настолько удачна, что корабли в основном на этих местах занимали свои позиции до конца обороны. Не терпя ни малейшего беспорядка, а тем более канцелярской волокиты, Нахимов в эти дни в интересах обороны города дерзнул нарушить все те правила, порядки и инструкции, которые хотя бы в малейшей мере тормозили дело обороны. Так, например, не считаясь с возможными последствиями, он устранял чиновников, тормозивших дело обороны, распределял по своему усмотрению запасы имущества и продовольствия не только для морских частей, но и для армии. Устранял негодных офицеров, назначал и продвигал по службе самых смелых и способных, заводил на бастионах, люнетах и других укреплениях флотские порядки.

Одним словом, Нахимов действовал так, как диктовало ему чувство долга, патриотизма, знания, опыт и твёрдость воли.

Действия Нахимова получали полнейшее одобрение друга его и соратника Корнилова и восхищение не только морских офицеров, но и армейских начальников и солдат. Люди, по примеру Нахимова и из любви к нему, в свою очередь делали всё возможное и, казалось бы, невозможное и в деле укрепления обороны и непосредственно в боях, которые с каждым днём принимали всё более ожесточённый характер.

Напряжение нарастало. Севастополь становился главным театром военных действий в Крымской войне. Нахимов первым понял, что англо-французские войска надолго и серьёзно завязнут в борьбе за Севастополь.

В конце сентября стало ясно, что противник готовится к бомбардировке города, флота и укреплений. План союзников состоял в том, чтобы многодневной мощной бомбардировкой срыть все укрепления, вызвать огромные разрушения оставшейся части флота, а затем решительным штурмом овладеть городом и портом.

5 октября началась столь долго подготовлявшаяся бомбардировка Севастополя. Бомбардировку с суши союзники начали на рассвете, а с моря — около полудня. По воспоминаниям участников обороны Севастополя город в этот день напоминал картину ада. Один только флот союзников выпустил по городу до 150 тысяч снарядов.

Однако как ни рвался враг к городу, славные защитники его артиллерийским и ружейным огнём, а иногда и штыковыми контратаками отбивали бешеный натиск противника. Невиданный героизм, стойкость и упорство, с какими защитники города за ночь восстанавливали уничтоженные днём укрепления, вынудили союзников отказаться от первоначального плана захватить Севастополь штурмом. Отныне враг вынужден был перейти к долговременной и систематической осаде.

Решение союзников о движении с Северной стороны на Южную, как и отказ от немедленного штурма и подготовка к длительной осаде, было стратегической ошибкой коман-

дования противника. Эта ошибка пошла на пользу осаждённым, дав им возможность организовать мощную оборону Севастополя, пополнить гарнизон, установить связь с армией и сплотить силы защитников.

Исключительный героизм защитников Севастополя, твёрдость духа руководителей обороны заставили противника почувствовать силу русских войск. Однако радость первого успеха была омрачена утратой начальника обороны генерал-адъютанта Корнилова. 5 октября Корнилов был тяжело ранен вражеской пулей на Малаховом кургане и умер на третий день после ранения.

Нахимова глубоко потрясла смерть друга. Но это печальное событие не внесло ни растерянности, ни уныния в ряды защитников Севастополя.

После смерти Корнилова князь Меншиков возложил оборону города на вице-адмирала Станюковича. Генерал-лейтенант Моллер пока был оставлен командующим армейскими частями. Начальником штаба был назначен присланный из Петербурга полковник Попов. Нахимов же попрежнему оставался руководителем флота и начальником обороны Южной стороны. Конечно, при малейшем желании Нахимова стать главным начальником обороны города князь Меншиков назначил бы его, но Нахимов попрежнему не изъявлял такого желания как по своей исключительной скромности, так и потому, что он не считал себя вполне компетентным в руководстве боевыми действиями на суше. Не нам судить, насколько Нахимов был прав в своих суждениях об этом, но известно лишь одно, что после смерти Корнилова душой обороны города стал не кто иной, как Нахимов, а его вернейшими соратниками и помощниками — Тотлебен, Истомин и другие талантливые офицеры флота и армии. Что же касается Станюковича, Моллера и Попова, то они только числились руководителями.

Не было ни одного вопроса обороны, который решался бы без участия Нахимова. Все слушались его совета, равнялись по нему, стремились делать всё так, как делает Нахи-

мов. Что же касается матросов и солдат, то для них не было более высокого авторитета, чем Нахимов. Одним своим присутствием на бастионах он воодушевлял их на беспримерные подвиги. Все помыслы и действия Нахимова были направлены к тому, чтобы укрепить оборону Севастополя и защитить его от врага.

Без преувеличения можно сказать, что всё руководство обороной Севастополя принадлежало Нахимову, и не кто другой, как он, воспитал людей для тех подвигов и той стойкости, которую они проявили до конца борьбы.

Нахимов всюду успевал бывать в течение дня: на кораблях, на бастионах, на постройке новых укреплений в порту, в арсенале — всюду проверял работу по защите города. Чаще всего его видели на 4-м бастионе, важнейшем и самом опасном участке обороны города. Бастион, начиная с 5 октября, методически разрушался артиллерийским огнём противника, но так же методически восстанавливался и героически продолжал борьбу с противником.

Благодаря Нахимову 4-й бастион превратился в одно из наиболее мощных укреплённых сооружений, выдерживавших огонь противника любой силы.

Героическая борьба защитников Севастополя 5 октября 1854 г. вызвала замешательство в рядах противника: союзники не ожидали ни столь упорной стойкости русских людей, ни столь меткой стрельбы их артиллерии, ни наличия у них тяжёлых орудий. Обоих главнокомандующих союзных армий — Раглана и Канробера (последний сменил умершего Сент-Арно) — удивила стойкость защитников Севастополя. Ежедневные вылазки со стороны русских наносили огромный урон флоту, артиллерии и живой силе союзников.

Во французской и английской прессе начали появляться пессимистические статьи, в которых писалось, что у русских неистощимое количество орудий, боеприпасов, сильный гарнизон, что русские упорны в сражениях. Сквозили уже первые сетования на затяжной характер войны.

После первой тяжёлой бомбардировки 5 октября начались страдные дни Севастополя. Однако теперь севастопольцы, умудрённые опытом прошедших боёв, отбивали врага с большими для него потерями. Так, в упорных боях прошла зима, а затем весна, и настало лето 1855 г. По мере затягивания борьбы защитники Севастополя всё более остро стали ощущать недостаток в снабжении продовольствием и особенно в артиллерийских припасах. Давало себя знать и преимущество союзников в оружии вообще и в особенности в новых нарезных пушках и нарезных ружьях.

Севастопольцы своей кровью расплачивались за техническую и экономическую отсталость России, порождённую крепостническим режимом. Но как ни трудно было защитникам Севастополя, они стойко выдерживали все испытания. Слава об их подвигах, об их стойкости, сковавшей основные силы армий и флотов врага, гремела уже не только в России, но и во всём мире. Даже враги вынуждены были признать необычайную стойкость русских солдат и моряков, их храбрость и необыкновенное искусство руководителей обороны.

В отражении штурмов, в ночных и дневных вылазках на позиции неприятеля офицеры и матросы проявляли необычайную храбрость и отвагу.

5 октября в каземат 5-го бастиона попала бомба. Матрос 43-го флотского экипажа Г. Палюк шапкой зачерпнул воды и подскочил к бомбе, чтобы загасить трубку, но бомба в это время разорвалась. Когда дым рассеялся, все с удивлением увидели, что матрос со своей шапкой стоит на том же месте, досадуя, что у него ничего не вышло.

В тот же день бомба упала недалеко от толпы матросов. Матрос Т. Александров бросился к ней с мешком песку и засыпал горевшую трубку.

В лейтенанта Бирюлева, известного своими храбрыми вылазками в траншеи противника, целилось несколько солдат противника. Матрос Шевченко, заметив угрожаю-

щую Бирюлеву опасность, спас своего начальника, заслонив его своим телом и пожертвовав этим собственной жизнью.

Широко известно имя матроса 30-го флотского экипажа Петра Кошки, прославившегося своими бесстрашными вылазками и буквально ежедневно совершавшего чудеса храбрости.

Примеру матросов следовали и солдаты. Так, во время одной схватки с англичанами был убит знаменосец Охотского полка, и знамя попало в руки англичан. Унтер-офицеры И. Барабашев и О. Игнатьев бросились в толпу врагов и вырвали из их рук знамя полка.

Солдат Тарутинского полка Поленов был притиснут к краю высокой скалы и, поняв, что французы хотят захватить его в плен, бросился со скалы.

В страдные дни героической обороны Севастополя, как и в сражении у Синопа под руководством адмирала Нахимова, с особой красотой и яркостью выявились высокие моральные качества русского морского офицера и русского матроса. Это были моряки-воины, героически сражавшиеся не только на море, но, когда потребовала обстановка, и на суше, куда они перенесли свои морские порядки и навыки, служа примером отваги, доблести и умения бить врага, не считаясь с его абсолютным численным и материально-техническим превосходством.

За славное руководство обороной Севастополя и за личную храбрость Нахимов 11 января 1855 г. был награждён орденом «Белого орла» и грамотой.

В ответ на эту награду Нахимов сказал:

«Победим или умрём достойно имени русского».

23 февраля 1855 г. князь Меншиков был отстранён от должности главнокомандующего. Вместо него был назначен князь Горчаков, ничем, впрочем, существенным не отличавшийся в своей тактике от Меншикова.

И при новом главнокомандующем рассчитывать на серьёзное руководство и помощь со стороны его в обо-

роне города не приходилось. Оставалось рассчитывать только на свои силы и умение.

Союзники стремились покончить с Севастополем. Всю зиму они готовились к новой бомбардировке и штурму. Эти приготовления врага не остались незамеченными Нахимовым и его помощниками. Защитники Севастополя в свою очередь готовились к отпору.

Вторая бомбардировка Севастополя началась 25 марта 1855 г. в 5 часов утра. Она была ещё более сильной, чем бомбардировка 5 октября 1854 г. Все русские оборонительные рубежи и прилегавшие к порту улицы города были засыпаны ядрами и бомбами. Бомбардировка и в промежутках между нею следовавшие один за другим штурмы длились около 10 дней. Наиболее тяжёлые бои снова развернулись на 4-м бастионе и Камчатском люнете. Эти оборонительные рубежи удалось отстоять прежде всего благодаря личной храбрости, распорядительности и стойкости Нахимова, организовавшего отпор врагу. Однако, несмотря на то что натиск врага был отражён, положение защитников города с каждым днём становилось всё более тяжёлым. Силы их истощались. Быстро таяли запасы, чувствовался острый недостаток в порохе и других боеприпасах. Союзники меж тем продолжали получать всё новые подкрепления. Союзные правительства прилагали всяческие усилия, чтобы закончить, наконец, непомерно затянувшуюся войну и овладеть неприступным Севастополем.

Внимательно наблюдавшие за ходом Крымской войны Маркс и Энгельс писали:

«Большую тревогу внушают и в Англии и во Франции (гораздо большую, чем может показаться на поверхностный взгляд) возросшие и всё возрастающие трудности войны; упорство Севастополя, не желающего пасть под натиском союзников... расценивается как весьма зловещее обстоятельство» [1].

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 198.

2 марта 1855 г. был опубликован знаменитый приказ Нахимова по севастопольскому гарнизону.

В этом приказе Нахимов писал, что враг продолжает осаду и увеличивает свои силы, но в результате шестимесячной обороны и строительства укреплений наши средства обороны также укрепились. Нахимов выражал уверенность в том, что никто из защитников не усомнится в нашей силе и все будут попрежнему продолжать борьбу.

Нахимов потребовал от начальников беречь людей. «Я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека, не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ, было бы ограничено крайнею необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности».

Жизнь каждого защитника, продолжает Нахимов, «принадлежит отечеству и не удальство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличать её в своих поступках от первого».

Нахимов запрещал вести частую, неприцельную стрельбу, которая приводит только к трате пороха и боеприпасов.

И в этом приказе нельзя не увидеть ещё одного свидетельства непоколебимой твёрдости Нахимова в защите города, его патриотизма, разумно заботливого отношения к людям, его верной оценки истинной храбрости и осуждения безрассудного удальства.

7 марта 1855 г. Нахимову пришлось вновь испытать сильное потрясение. В этот день был убит его старейший друг и товарищ, человек, близкий ему ещё со времени Наваринского сражения, контр-адмирал В. И. Истомин. В письме к жене своего учителя М. П. Лазарева Нахимов

писал в связи со смертью Истомина: «Екатерина Тимофеевна! Священная для всякого русского могила нашего бессмертного учителя приняла прах ещё одного из любимейших его воспитанников».

За отличие при обороне Севастополя Нахимову 26 марта 1855 г. было присвоено звание адмирала.

В приказе от 12 апреля 1855 г., изданном Нахимовым по случаю его производства в адмиралы, он писал: «Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости монарха ко мне, как к старшему в ней.

Высочайшим приказом от 26 числа минувшего марта я произведён в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчинённых, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что г.г. адмиралы, капитаны и офицеры дозволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, геройски отстаивая драгоценный Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную.

Матросы, мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота; я с юных лет был постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно. Я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь. ...вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеньге с той же честью, с какой я носил его, благодаря вам, и под другими клотиками [1]. Вы оправдаете доверие и заботы о вас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков.

Прошу всех частных начальников приказ сей прочесть при собрании своих команд. Адмирал Нахимов» [2].

---

[1] Клотик — верхушка мачты (стеньги или брамстеньги), обыкновенно снабжённая шкивами для сигнальных флагов.

[2] «Морской сборник» 1855, № 6.

Приказ вызвал единодушное одобрение буквально всего личного состава гарнизона и гордость за своего адмирала, бывшего для матросов не только авторитетным руководителем, но и любимым человеком.

25 мая 1855 г. в 3 часа дня союзники начали третью по счёту бомбардировку города. 26 мая бомбардировка усилилась, в особенности на Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты, которые являлись ключом к укреплениям Малахова кургана. Вместе с тем был открыт огонь и по укреплениям Малахова кургана. Противник решил любой ценой овладеть этими укреплениями, которые открыли бы ему доступ к захвату Малахова кургана, а затем и всего города. Около 6 часов вечера 26 мая противник бросил на штурм указанных редутов около 40 тысяч солдат, в том числе отборные гвардейские части французов. Защитники же укреплений до бомбардировки имели всего-навсего до 850 человек, а к моменту штурма, в результате понесённых потерь, на этих укреплениях оставалось не больше 600 человек. Однако они не дрогнули. Началось неравное и беспримерное по героизму кровавое сражение.

Русские солдаты, руководимые храбрым и талантливым генералом Хрулёвым, не на жизнь, а на смерть боролись на Селенгинском и Волынском редутах. Нахимов, несмотря на полученную в разгаре боя контузию, руководил матросами, оборонявшими Камчатский люнет, бои за который приняли небывало кровавый характер. Редуты, несмотря на почти стократный перевес сил противника, несколько раз переходили из рук в руки и только тогда были захвачены противником, когда враг понёс огромные потери, а в рядах защитников этих укреплений остались буквально десятки людей.

Однако как ни старался противник развить успех и овладеть с одного удара укреплениями Малахова кургана, он так и не добился этого. Малахов курган удалось отстоять благодаря невероятному упорству небольших сил,

которыми руководили адмирал Нахимов и генерал Хрулёв: Малахов курган удалось отстоять и выиграть сражение 5 и 6 июня ещё и потому, что Нахимов предусмотрительно построил мост на бочках, по которому в нужный момент были брошены резервы на Корабельную сторону, т. е. на тот участок, где развернулись упорные бои.

Так, волей, упорством, умением и беспримерным героизмом Нахимова и мужественными подвигами всех остальных защитников редутов были сорваны планы не только главнокомандующих английской и французской армий, но и планы их правительств (и особенно Наполеона III), требовавших во что бы то ни стало овладеть этими укреплениями и Малаховым курганом, чтобы затем возможно скорее закончить борьбу за Севастополь, затяжка которой вызывала в Европе всё более и более неблагоприятное впечатление.

Несмотря на незначительные результаты сражения за Малахов курган, английские и французские правительства внешне придали им значение большого успеха. В то время как официально армии были посланы специальные поздравления, в других документах выражалось неудовольствие столь ничтожными успехами. И вот, чтобы удовлетворить требование своих правительств, поднять личный престиж и, наконец, чтобы вообще скорее закончить затянувшуюся борьбу за Севастополь, союзники начали готовиться к новой, ещё более сильной бомбардировке и к всеобщему штурму.

Третья всеобщая бомбардировка города с суши и моря началась 5 июня 1855 г. Бомбардировка продолжалась без перерыва до 3 часов утра 6 июня, а затем внезапно начался всеобщий штурм русских укреплений. Однако и на этот раз противник, кроме громаднейших потерь, ничего не добился. Русские матросы и солдаты под руководством Нахимова и генерала Хрулёва огнём и штыковыми контратаками отбили в продолжение дня девять штурмов французов и несколько штурмов англичан.

Морские батальоны являли для солдат пример невиданной стойкости и героизма при отражении натиска противника ружейным огнём и особенно в штыковых схватках. Моряки пяти кораблей огнём своих орудий громили резервные полки французов и прикрывали от неприятельского флота подступы с моря.

Русские одержали полную победу над превосходящими силами противника. Потери французов и англичан в этот день составили больше 7 тысяч человек, из них убитыми около 2,5 тысячи человек и 4,5 тысячи ранеными.

За храбрость и руководство по отражению штурма 6 июня Нахимов был представлен к новой награде, на этот раз денежной, носившей официальное название аренды. К удивлению начальников, вручавших ему указ о награде и поздравивших его, он заявил: «Да на что мне аренда? Лучше бы они мне бомб прислали».

27 июня 1855 г. противник начал усиленную бомбардировку 3-го бастиона. Бомбардировка продолжалась с неослабевающей силой и 28 июня.

Ещё 27 июня Нахимов рвался на 3-й бастион, но под всякими предлогами его удерживали от этого. Когда же 28 июня бомбардировка усилилась, Нахимова удержать больше не удалось. На уговоры не ехать в самые опасные места Нахимов обычно отвечал: «Как едешь на бастион, так веселее дышишь».

В 4 часа дня Нахимов приказал оседлать лошадь и в сопровождении флаг-офицеров Костырева, Колтовского и Фельдгаузена направился на 3-й бастион. Во время осмотра укреплений он имел неосторожность выйти из укрытия. Пуля из штуцера ударила в бруствер возле Нахимова. Ему предложили уйти в укрытие, но он остался на месте, продолжая наблюдать в подзорную трубу за неприятельскими позициями. И эта роковая неосторожность погубила Нахимова.

В то время как он уже собирался спускаться в укрытие, раздался новый выстрел. Нахимов раненный упал и потерял

сознание. Его перенесли с Корабельной стороны на Северную. Вызвали лучших врачей и в том числе профессора медицины Киевского университета Гюббенета, личного друга Нахимова, но спасти не приходившего в сознание Нахимова уже не удалось. Рана, по свидетельству Гюббенета, оказалась исключительно тяжёлой. Пуля пробила череп навылет. 30 июня Нахимов умер. Не стало славного адмирала Павла Степановича Нахимова. Он погиб смертью храбрых на том же бастионе, где были убиты Корнилов и Истомин.

Зная всеобщую любовь к Нахимову офицеров флота и армии, любовь моряков, солдат и всего оставшегося в городе населения, некоторые начальники хотели вначале, хотя бы на время, скрыть от войск и населения факт ранения Нахимова. Но оказалось, что известие о тяжёлом ранении руководителя севастопольской обороны, в один миг разнеслось по городу. Все были потрясены этим известием, все старались видеть умирающего и облегчить его страдания.

1 июля, в день погребения Нахимова, к месту, где он лежал, потянулись вереницы людей. Отдать последний долг адмиралу шли его старые сослуживцы, адмиралы и офицеры флота, генералы и офицеры армии, матросы, среди них много было таких, которых на протяжении многих лет Нахимов знал лично; с руководителем защиты города шли прощаться жители Севастополя. Прибыл и главнокомандующий князь Горчаков и чины его штаба.

Друзья Нахимова выполнили волю покойного, похоронив его в одном склепе с Лазаревым и героями Севастополя Корниловым и Истоминым.

По свидетельству очевидцев, похороны Нахимова превратились в мощную демонстрацию любви к доблестному защитнику Севастополя.

1 июля в 6 часов вечера тело адмирала положили в гроб. У изголовья стояли флаги контр-адмиральский, вице-адмиральский и адмиральский, а тело Нахимова было

покрыто флагом с корабля «Императрица Мария», пробитым ядрами противника в Синопском бою. «Тело вынесли на руках адъютанты покойного и другие моряки и пронесли до церкви между двумя батальонами матросов и солдат, стоявших вдоль улицы под ружьём. Несметные толпы народа наполняли улицу и все высоты. Казалось, Севастополь никогда не видел на своих холмах столько народа. Неприятель не стрелял. Даже распространился слух, что английские корабли скрестили реи и спустили флаги... По окончании службы в Михайловском соборе и после того, как матросы простились с адмиралом (они прощались, подходя по два, что продолжалось больше часа), мы все поднялись на гору, провожая гроб в могилу...

Адмирала положили подле трёх других: Лазарева, Корнилова и Истомина... Кругом теснились рыдающие матросы, всякому хотелось бросить горсть земли... Прогремели почётные залпы. Нахимова не стало...»[1].

Так кончил свой честный жизненный путь П. С. Нахимов. Но в истории России Нахимов остался бессмертным как великий флотоводец, герой Синопа и Севастополя, патриот родины. Таким узнала Нахимова в дни героической защиты Севастополя вся Россия, гордившаяся доблестными сынами своими.

Смерть Нахимова взволновала всех. Имя Нахимова в связи с победой у Синопа, а затем и в связи с обороной Севастополя стало широко известно в стране. Когда в Москве было получено известие о смерти адмирала, то, по словам современника, «эти роковые слова не сходили с уст московских жителей... Глубокая сердечная горесть слышалась в беспрерывных сетованиях. Старые и молодые, военные и не военные, мужчины и женщины показывали одинаковое участие.

Да, в короткое время Нахимов приобрёл общее расположение и сделался народным любимцем»[2].

---

[1] «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, стр. 74.

[2] Там же, стр. 74.

Так же скорбели по Нахимову и в Петербурге, и в Киеве, и в Харькове, и во Владивостоке, и везде, куда доходили известия о его подвигах, о его чистом, благородном сердце.

Борьба за Севастополь продолжалась с неослабевающей силой и после смерти Нахимова. Бомбардировки и следующие за ними штурмы, один другого упорнее, стали обычным явлением. Но не было той силы, которая могла бы сломить моральный дух защитников Севастополя, воспитанных и закалённых в боях Нахимовым и его предшественниками.

С 7 августа 1855 г. бои с каждым днём принимали всё более ожесточённый характер. Бомбардировки, штурмы и кровавые стычки не прекращались. Союзники ввиду крайне затянувшейся войны, колоссальных потерь, понесённых ими в борьбе за Севастополь, и быстро нараставшего общественного недовольства войной в их странах поставили на карту всё и стремились во что бы то ни стало овладеть хотя бы развалинами Севастополя. Русские же упорно продолжали оборонять родной город, стяжая ему бессмертную славу.

27 августа 1855 г. началась последняя бомбардировка и повсеместный штурм полуразрушенных укреплений Севастополя. Неся огромные потери в артиллерии, испытывая недостачу в боеприпасах, располагая незначительным количеством живой силы, защитники города в этот день всё же продолжали отбивать один штурм за другим, нанося исключительно большие потери живой силе противника.

Однако сведения, поступавшие в штаб главного командования с передовой линии, говорили о том, что держать дальше Севастополь в руках при сложившихся обстоятельствах не было возможности, и главнокомандующий князь Горчаков решил отдать приказ — взорвать укрепления и склады Южной стороны, вывести уцелевшие войска на Северную сторону и оставить разрушенный Севастополь.

Следуя этому приказу, уцелевшие после кровавого сражения 27 августа русские войска по наведённому мосту

перешли с Южной на Северную сторону. Вслед уходившим войскам неслись оглушительные взрывы на всех русских укреплениях, производившихся русскими же войсками.

Русские войска оставили Севастополь на 349-й день обороны.

Превращённый под руководством Нахимова в неприступную крепость, Севастополь, несмотря на 11-месячную осаду, так и не капитулировал перед врагом. Севастополь был оставлен, флот уничтожен, но не взят противником.

4

НАХИМОВ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ РУССКИХ МОРЯКОВ

Нахимов был талантливым флотоводцем, талантливым воспитателем русских моряков. Он любил и растил русский флот, гордился его победами. Нахимов был всегда исключительно прост в обращении с матросами, и, когда люди его круга упрекали его за это, он обычно сердился. «Пора нам перестать считать себя помещиками,— говорил он,— а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы — только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля. Матрос бросается на абордаж. Ежели понадобится, всё сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу, как на средство для удовлетворения честолюбия, а на подчинённых, как на ступень для собственного возвышения. Вот как нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы — не себялюбцы, а действительные слуги отечества».

Нахимов отличался храбростью; подтверждением этому служат Наварин, Синоп, Севастополь. Преданный службе, чести и долгу, энергичный и деятельный, он ненавидел за-

косные правила, изложенные в застарелых «методиках» и наставлениях. Добиваясь простоты в обучении, он учил людей показом, готовил людей для войны, а не только для смотров и парадов. Кое-кем это рассматривалось как странность и чудачество, нередко служило предметом насмешек. В противоположность этому слова адмирала Лазарева о Нахимове: «чист душой и любит море»,— очень метко характеризуют Нахимова.

Он всегда сам руководил обучением матросов, никому не передоверяя его. Когда однажды для обучения ввели вопросник, где были изложены вопросы и ответы, то Нахимов выступил решительным противником этого «катехизиса», мало доступного матросам.

«Что за вздор-с, — говорил Нахимов офицерам, — не учите их, как попугаев. Пожалуйста, не мучьте их и не пугайте их. Не слова, а мысль им передавайте».

Сам Нахимов просто и доступно обучал матросов. Заметив однажды, что молодой матрос не может постигнуть премудрости по артиллерии, т. е. различить, какая разница между ядром и бомбой, Нахимов вмешался в это занятие.

«Муха![1] Чем разнится бомба от ядра? — Матрос дико посмотрел на адмирала, потом поворочал глазами во все стороны.

— Ты видал бомбу?

— Видел.

— Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро? Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирог знаешь что такое?

— Знаю.

— Ну вот тебе: булка — ядро, а пирог — бомба, только внутрь не сыр, а порох кладут. Ну, что такое бомба?

— Ядро с порохом,— ответил матрос.

---

[1] «М у х а» — излюбленное добродушное обращение Нахимова. Он применял его как к офицерам, в особенности молодым, так и к матросам.

— Дельно, дельно. Довольно на первый раз»[1].

Такой подход адмирала к рядовому матросу, такая простота обращения, метод объяснения неразвитому новобранцу были необычным явлением в ту пору.

Таков был Нахимов как человек и воспитатель. Нахимов учил подчинённых и словом и показом, учил так, чтобы всё было ясно и чтобы обучение приносило наибольшую пользу.

Педагогических приёмов Нахимова-воспитателя многие не понимали. Одни видели в Нахимове чудака, другие — либерала, третьи — просто оригинала. Но Нахимов стоял выше упрёков и сыпавшихся на него насмешек. Настойчивым трудом он приобретал всё большее влияние во флоте.

Простота обращения не мешала Нахимову быть чрезвычайно строгим и требовательным к своим подчинённым, особенно во время плавания.

Малейшее упущение или вялость в исполнении поручения взыскивалось им со всей строгостью. Однако, по словам современников, Нахимов никогда не злоупотреблял силой своей власти. Его требования к матросам были справедливы, и если он наказывал провинившихся, то всегда заслуженно. Само наказание он также рассматривал как один из важных и особенно острых методов воспитания. Для него в этих случаях было правилом: «Строгость во всём, но с чувством меры и справедливости».

Как отмечают его сослуживцы, «выговоры и замечания Павла Степановича, впрочем, не были очень тягостны, потому что они всегда имели отпечаток добродушия. После первой вспышки, выраженной очень просто и лаконично, не задевая глубоко за живое..: он через несколько времени старался смягчить впечатление молодого человека разными сентенциями в таком роде:

«— Как же это, господин..: у вас сегодня брам-шкоты

---

[1] «Морской сборник» 1856, № 13, Неофициальный отдел, стр. 201.

не были вытянуты до места? Это дурно-с, вы никогда не будете хорошим адмиралом»[1].

Столь же строг и взыскателен был Нахимов и к себе. Он вдумчиво оценивал каждый шаг в своей собственной деятельности и своё поведение, зная, что от того, как он себя поведёт, будет зависеть поведение его подчинённых. Так строгостью к себе самому, честным, самоотверженным трудом он приобретал влияние на окружающих и непререкаемый авторитет среди них.

Во взаимоотношениях с офицерами, да и вообще с людьми, Нахимов никогда не рисовался, а держал себя исключительно просто, естественно и скромно. Когда по долгу службы он обучал и воспитывал офицеров, он говорил им: «...во мне вот что было дурно, желал бы я, чтобы у вас этого не было».

Любопытно его высказывание о поощрениях и наказаниях в деле обучения и воспитания людей. «Страх подчас хорошее дело,— говорил Нахимов,— да согласитесь, что не натуральная вещь несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение, сочувствие, нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такое делать, что просто чудо»[2].

Будучи сам весьма деятельным человеком, Нахимов приучал к труду молодых офицеров. «Всё можно отнять у человека,— говорил он,— славу, значение в обществе, можно приписать ему дурные качества, которые служат ему побудительными двигателями, например, честолюбие, эгоизм, глупость, всё, что хотите. Одного невозможно отнять — благодетельных последствий деятельности, ежели она направлена на что-нибудь полезное для общества, правительства»[3].

---

[1] Жизнеописание русских военных деятелей, изд. Березовского, Спб. 1904, стр. 64.

[2] «Морской сборник» 1856, № 13, Неофициальный отдел, стр. 225.

[3] Там же, стр. 202.

Нахимов обязывал офицеров воспитывать у матросов смелость, героизм, чувство любви и преданности родине. Он указывал офицерам и на значение личного примера в деле воспитания, прививал офицерам и матросам веру в свои силы, в своё оружие, указывал на значение смекалки, помогающей раскрывать замыслы противника и противопоставлять хитрости врага свою военную хитрость.

Но особенно настойчиво требовал Нахимов от офицеров воспитывать у матросов чувство национальной гордости за Россию, за свой флот.

Нахимов требовал гуманного отношения к матросам, уважения их человеческого достоинства. Такое отношение считал он породит чувство привязанности к своим начальникам.

«...Я этой привязанностью,— говорил Нахимов,— дорожу больше, чем отзывами чванных дворянчиков-с. У многих командиров служба не клеится на судах потому, что они неверно понимают дворянина и презирают матросов, забывая, что у мужика есть ум, душа и сердце так же, как у всякого другого» [1].

Такого рода заявление Нахимова было в николаевскую эпоху весьма смелым.

Нахимов безгранично любил свой народ, любил свою родину, стремился к её процветанию, укреплению флота, которому он посвятил свою жизнь. Как и все передовые люди того времени, он тяготился николаевским режимом произвола и насилия над человеческой личностью.

Нахимов считал, что при воспитании и обучении матросов необходимо учитывать национальные особенности русского человека и, даже больше того, особенности людей разных губерний, и всё это использовать для блага службы. Между прочим эти требования были вызваны ещё и тем, что многие офицеры, преимущественно из богатых дворян, больше знали об Англии, Франции и других странах Европы, нежели о России, и особенно об основной

---

[1] «Морской сборник» 1856, № 13, Неофициальный отдел, стр. 219.

части населения — крестьянах, из которых вербовались солдаты и матросы.

«Вся беда наша в том заключается,— говорил Нахимов,— что некоторые молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель. Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках. Я против этого ни слова не возражаю и сам охотно занимался ими в своё время. Да зачем же прельщаться до такой степени всем чуждым, чтобы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда русских журналов не читают и хвастают этим. Я это наверное знаю-с. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками, простолюдинами. А вы думаете, что матросы не замечают этого? Замечают лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее — уж их дело; а каково пойдёт служба, когда все подчинённые будут наверное знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина того, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать»[1]

«Удивляют меня многие молодые офицеры,— продолжает Нахимов,— от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи, своим пренебрегают, чужому завидуют и своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится!»[2].

Интересно, как Нахимов «пробирал» офицеров, особенно молодых, за небольшие проступки и упущения по службе. Однажды во время учения Павел Степанович заметил, что по вине ютового офицера лопнули бизань-шкоты. По словам вызванного Нахимовым офицера, между ними произошел следующий диалог:

---

[1] «Морской сборник» 1856, № 13, Неофициальный отдел, стр. 224—225.

[2] Там же, стр. 225.

«— Господин Корчагин,— сказал мне Павел Степанович,— у вас лопнул бизань-шкот-с!

— Как же-с, лопнул сейчас.

Как, думаю себе, забыть такое важное происшествие.

— Вы мне должны сказать, почему он лопнул?

— А бог его знает,— ответил я равнодушно. Павел Степанович посмотрел на меня с удивлением.

— Во-первых, господин Корчагин, подобные ответы как-то странны; ежели бы я имел право, то посадил бы вас за это на покаяние на два года; а во-вторых, кому же знать причины такой простой вещи, как не нам с вами, господин Корчагин! ....О бизань-шкотах ближе всего позаботиться мичманам. Хорошо-с, ступайте к своему делу»[1].

Будучи опытным педагогом, выдающимся специалистом и превосходным практиком морского дела, Нахимов в воспитании моряков стремился к тому, чтобы приохотить матросов и офицеров к военно-морской службе так, чтобы они на всю жизнь оставались верны служению флоту.

Нахимов всю свою жизнь занимался самообразованием. Будучи отлично образованным офицером, Нахимов упорно совершенствовал свои знания как в области наук, литературы, искусства, так и особенно в военно-морском деле.

Он читал русские журналы, газеты, иностранную литературу и периодику. Известно и то, что он регулярно читал «Таймс». Он был в числе первых, лазаревских офицеров, образцово поставивших библиотеку на корабле и превративших кают-компанию в своеобразный офицерский клуб, в работе которого главное внимание уделялось самообразованию и обсуждению новейших вопросов военного и военно-морского дела.

Как человека и военачальника Нахимова характеризуют письма, которые он писал в тяжёлые дни Севастопольской обороны. Письма эти, как правило, писались родителям погибших в боях офицеров. Вот письмо, датированное

[1] «Морской сборник» 1856, № 13, Неофициальный отдел, стр. 215.

24 марта 1855 г., отцу одного из погибших смертью храбрых офицеров: «Милостивый государь, Лазарь Маркович! Доблестная военная жизнь ваша даёт мне право говорить с вами откровенно, несмотря на чувствительность предмета. Согласившись на просьбу сына, вы послали его в Севастополь не для награды и отдыха — движимые чувством долга, лежащего на каждом Русском и в особенности моряке, вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушения, полученные с детства от отца своего. Вы свято совершили свою обязанность. Он с честью выполнил свою. Почётное назначение — наблюдать за войсками, расположенными в ложементах перед Камчатским люнетом — было возложено на него, как на офицера, какового нелегко найти в Севастополе, и только вследствие его желания, каждую ночь осыпаемый градом пуль, он ни на минуту не забывал важности своего поста и к утру с гордостью мог указывать, что бдительность была не даром; с минуты его назначения неприятелю приходилось вести работу тихою сапою, не подвинувшись ни на вершок... Случайная граната была причиною его смерти, в один час ночи с 22 на 23 число он убит!»[1]

Конечно, тяжела была для родных утрата любимого человека, но разве, получив письмо Нахимова, родные погибшего офицера не горды были за того, который, по словам его начальника, был бесстрашным воином, не посрамившим своего имени в борьбе с врагом?

Но в этом, как и в подобных других письмах, Нахимов не ограничивался извещением о подвигах и о времени и причине смерти того человека, о котором он писал. «В Севастополе, где весть о смерти почти не производит впечатления, — продолжает Нахимов в том же письме, — сын ваш был одним из немногих, на долю которых досталось искреннее соболезнование всех моряков и всех знавших его; он погребён в ушаковской балке; провожал его в моги-

[1] Из неопубликованного письма Нахимова, хранившегося в Севастопольском музее.

лу я и был свидетелем непритворных слёз и грусти окружающих. Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с вами и мы, товарищи его, разделяем ваши чувства: прекрасный офицер, редких душевных достоинств человек, он был украшением и гордостью нашего общества, а смерть его мы будем вспоминать, как горькую жертву необходимости для искупления Севастополя. Окончив письмо, я осмеливаюсь, просить вас доставить мне случай, хоть косвенным образом, быть полезным его несчастной супруге и его семейству».

Таких писем Нахимов отправил за время Севастопольской обороны десятки.

А вот письмо, написанное им по поводу геройской смерти его друга контр-адмирала Истомина брату последнего — Константину.

9 марта 1855, Севастополь.

Любезный друг Константин Иванович!

Общий наш друг Владимир Иванович[1] убит неприятельским ядром; вы знали наши дружеские с ним отношения и потому я не стану говорить о своих чувствах и своей глубокой скорби при вести о его смерти. Спешу вам только передать об общем участии, которое возбудила во всех потеря товарища и начальника всеми любимого. Оборона Севастополя потеряла в нём одного из своих главных деятелей, воодушевлённого постоянно благоразумною энергией и геройскою решительностью; даже враги наши удивляются грозным сооружениям Корнилова бастиона и всей четвёртой дистанциею, на которую был избран покойный, как на пост самый важный и в начале самый слабый.

По единодушному желанию всех нас бывших его сослуживцев мы погребли тело его в почётной и

[1] Истомин.

священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича[1] и первая, вместе высокая жертва, защитников Севастополя, покойный Владимир Алексеевич[2]. Я берёг это место для себя, но решил уступить ему.

Извещая вас, любезный друг, об этом горестном для всех нас событии, я надеюсь, что для вас будет отрадною мыслью знать наше участие и любовь к покойному Владимиру Ивановичу, который жил и умер завидною смертью героя. Три праха в склепе Владимирского собора будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота.

Посылаю вам кусок Георгиевской ленты, бывшей на шее у покойного в день его смерти; самый же крест разбит на мелкие части. Подробный отчёт о его деньгах и вещах я не замедлю переслать к вам.— Прощайте и не забывайте преданного и уважающего Вас друга.

П. Нахимов.

Высокие качества Нахимова как человека, военачальника и патриота, присущие ему, в дни Севастопольской обороны получили своё самое полное и яркое выражение.

Нахимов всегда бывал там, где шли наиболее кровопролитные бои. Он крайне досадовал, когда по каким-либо причинам не мог лично посетить бастионы. Если же он подозревал, что его во время особенно тяжёлых боёв умышленно задерживают, то приходил в ярость и сразу же бросал всё и отправлялся туда, где была наибольшая опасность. Показывая пример бесстрашия другим, он часто открыто ходил под обстрелом врага, не прячась в укрытия. Исключительно храброе поведение адмирала породило среди матросов и солдат легенду: «Наш адмирал заворожён, его ни пуля, ни ядро не берёт».

[1] Лазарева.
[2] Корнилов.

Разносторонняя деятельность Нахимова в дни обороны Севастополя была неутомима, можно сказать — неисчерпаема. Он не оставлял без своего внимания ничего, что касалось обороны города, с готовностью выслушивал всякие предложения, могущие улучшить положение обороны, успевал выслушивать любого офицера, любого матроса, солдата или жителя города и давать им те или иные указания, советы.

«Он не считал достойным хвалить всё существующее и скрывать недостатки, а находил пользу в обличении последних и в неусыпном стремлении к улучшениям»,— писал о Нахимове в дни обороны Севастополя один из самых близких к нему людей — профессор медицины Гюббенет [1].

Будучи необыкновенно скромным, он не позволял снимать с себя портрета, считая это тщеславием. Когда ему однажды настойчиво предложили всё же согласиться дать себя зарисовать, то Нахимов ответил: «Когда отстоим Севастополь, а если не отстоим, тогда и снимать с нас не стоит» [2].

Нахимов никогда не стеснял инициативу офицеров, не допускал опеки над их действиями, выслушивал их советы и предложения, вызывал их на откровенность в докладах и беседах и умело, как искусный дирижёр, направлял их дела и мысли к выполнению священного долга обороны города.

И офицеры платили ему привязанностью и любовью.

Взаимоотношения его с матросами в дни обороны Севастополя стали особенно простыми. По свидетельству буквально всех участников обороны Севастополя, матросы искренно любили Нахимова, как родного, называли его отцом, смело и откровенно вступали с ним в разговоры по всем вопросам и особенно по вопросам улучшения обороны или своего положения. Нахимов внимательно выслушивал их, часто принимал их дельные предложения и проводил в жизнь. По примеру Нахимова так же стали отно-

---

[1] «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, Приложение, стр. 54.

[2] Там же, стр. 76.

ситься к матросам не только офицеры флота, но и армейские офицеры к солдатам. Матросы готовы были итти за Нахимовым на любое, самое трудное дело.

«Нахимов, сам солдат по преимуществу, понимал прекрасную, могучую натуру русского солдата... Нахимов находил в ней ту чувствительную струну, которую лишь только умей привести в сотрясение, а потом делай, что хочешь. Он постигал это великое искусство одушевлять бранные полки и составлять с ними одно, или эту суворовскую «науку побеждать», которая поднимается иногда над всеми высокими соображениями тактики и мудрёными предначертаниями стратегии, которая оставляет далеко за собою все ухищрения политики и козни дипломатии, которая не спрашивает никогда о числе врагов, против неё вооружившихся, смотрит смело, не мигая в жерло пушек, на неё направленных, и не понимает только никаких невозможностей»[1].

Наиболее близкими Нахимову людьми в дни обороны Севастополя были Корнилов, Истомин, Юрковский, Панфилов, Новосильский, Тотлебен, профессор медицины Гюббенет, адъютанты его Костырев, Колтовский, Фельдгаузен и племянник Нахимова Н. В. Воеводский. Дружил Нахимов и с храбрыми генералами Хрулёвым, Хрущёвым и Васильчиковым, Тотлебена и Истомина он особенно любил.

Когда был ранен Тотлебен, Нахимов был весьма этим опечален, находил удобную минуту, чтобы, несмотря на запрет врачей, посетить своего друга; он посылал раненому цветы или какие-либо скромные подарки.

Нахимов в страдные дни обороны Севастополя и флота заботился о раненых и больных офицерах, матросах и солдатах. Он посещал их, ласковым словом или шутливым замечанием облегчал их страдания, покупал для них подарки и т. п. Лично он не имел семейства и жил очень скромно, отдавая все свои деньги нуждающимся семьям матросов или на улучшение питания в госпитале.

---

[1] «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, Приложение, стр. 79.

«Всё это,— как писал профессор Гюббенет,— делалось без малейшего тщеславия: напротив того, все поступки его носили явный отпечаток величайшей скромности, и, конечно, имели единственную цель возвысить общее мужество...»[1]. И прав был один из героев Севастопольской обороны, Тотлебен, который после смерти Нахимова сказал о нём, что это был величайший патриот из патриотов, человек честнейший из честных, храбрейший из храбрых, скромный из скромных людей, душой и сердцем рыцарь, отдавший всего себя, свой ум, свой талант и свою кровь на благо отечества.

Прошли многие десятилетия со времени славной Синопской победы, героической обороны Севастополя и гибели славного русского флотоводца П. С. Нахимова. Пройдут ещё столетия, а дела и подвиги героев-севастопольцев и первого среди них — Нахимова — останутся бессмертными в веках.

Советские моряки — внуки славных защитников обороны Севастополя 1854—1855 гг.,— героические защитники Севастополя 1941—1942 гг., славные воины, освободившие священный русский город Севастополь от немецкой нечисти в 1944 г., достойны своих дедов. Они приумножили славу русского оружия в боях с немецкими захватчиками и их вассалами. Они достойны своих великих предшественников, в том числе и великого флотоводца Нахимова, орден которого учреждён правительством.

Наследуя его простоту и твёрдость воина, энергию в работе, храбрость в бою, уменье воевать, искусство побеждать и беззаветную преданность родине, командиры флота с честью носят орден Нахимова, как почётную награду, как символ бессмертия доблести и славы русского военно-морского флота.

---

[1] «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, Приложение, стр. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В помощь читателю, желающему получить более обстоятельные сведения о жизни и деятельности П. С. Нахимова.

Асланбегов А., Адмирал П. С. Нахимов. Биографический очерк, Спб. 1908.

То же, «Морской сборник» 1868, № 3, отд. библиографии, стр. 1—32.

Барсуков Н., Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIV, Спб. 1900, стр. 63—71.

Белавенец П. И., Адмирал Павел Степанович Нахимов. К столетнему юбилею со дня рождения (23 июня 1802—1902). Севастополь 1902.

Берг Н., Записки об осаде Севастополя, ч. I, М. 1858.

Богданович Е. В., Синоп, 18 ноября 1853 г., Спб. 1878, стр. 131—146.

Богданович М. И., Восточная война, т. III, Спб. 1876, стр. 406.

В. З., Материалы для истории обороны Севастополя. Об адмирале Павле Степановиче Нахимове, «Морской сборник», 1855, № 10, отд. учён. литер., стр. 469—473.

Гюббенет Х. Я., Воспоминания об обороне Севастополя 1854—1855 гг. «Русская старина» 1899, № 1, стр. 75—99.

Дубровин Н. Ф., История Крымской войны, т. III, Спб. 1900.

Дьяконов П., Севастополь 12 июля 1855 г. (Погребение Нахимова). См. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I. Спб. 1871, стр. 85—86.

Жандр А., Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, Спб. 1859, VIII, стр. 396.

Лихачёв И. В., В Севастополе 50 лет назад, «Русская старина» 1904, № 5, стр. 337—345.

«Жизнеописание русских военных деятелей», изд. Березовского, Спб. 1904.

«Материалы для биографии адмирала Павла Степановича Нахимова». См. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, стр. 34—98.

«Несколько слов о смерти адмирала Нахимова». См. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, стр. 86—87.

Письмо П. С. Нахимова к вдове М. П. Лазарева (сообщённое гр. Б. А. Перовской) о смерти Истомина», «Русский архив» 1868, № 3, стр. 410—412.

Салом Л., Адмирал Павел Степанович Нахимов, «Морской сборник» 1902, № 5, стр. 1—51; № 6, стр. 1—27.

Славони Г., Севастопольские вести (Смерть и погребение Нахимова). См. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. I, Спб. 1871, стр. 83—85.

«Сборник известий, относящихся до настоящей войны», изд. Н. Путиловым. кн. 27, Спб. 1856.

Соколов А., Адмирал Павел Степанович Нахимов. Некролог (приложение: выписки из письма Воеводского), «Морской сборник» 1855, № 7, отд. учён. литер., стр. 158—167.

Тарле Е. В., Нахимов, Военмориздат, М. 1943 г.

Тотлебен, Описание обороны города Севастополя, ч. 1—2, Спб. 1871 (Военная библиотека, тт. V и VI).